

Таша Лю

Второй
Шестой
переулок,

налево

Таша Лю

Второй Шестой переулок, налево

<https://litres.ru/74004681>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маленькие провинциальные города хороши тем, что любое происшествие в них почти всегда становится событием. А если в собственный день рождения познакомиться с говорящим лисом, то тут уж наверняка жди приключений!

Именно это случилось с тройняшками, мальчиком Леоном и его сестрами, накануне летних каникул. Загадка за загадкой посыпались на ребят, как горох. Кто похитил маленькую девочку из дома напротив тринадцать лет назад, как обвести вокруг пальца прохиндея, маскирующегося под обычного соседа, что скрывает странное дерево, что выросло в саду всего за одну ночь?

Между прочим, ответы кроются буквально за поворотом родного переулка. А, если повезет, попадешь в Аниборген - мир удивительных существ, и жизнь твоя станет одним сплошным детективом.

Содержание

Глава 1. Странное место	4
Глава 2. Сливовая косточка	13
Глава 3. День рождения	27
Глава 4. Новый знакомый	48
Глава 5. В гостях	61
Глава 6. Лис рассказывает печальную историю	73
Глава 7. Расследование начинается	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Таша Лю

Второй Шестой переулок, налево

Глава 1. Странное место

Бывают такие улицы, куда хоть раз в жизни попадешь – никогда не забудешь. И даже не потому, что там есть красивый барский дом с колоннами или дремлющими у крыльца каменными львами, и не оттого, что именно на ней шустрый карманник стащил у вас кошелек. Вовсе нет! Вы запомните ее из-за странного названия. До того неожиданного, что сразу становится ясно: на этой улице все весьма необычно и загадочно.

Как раз такая и была в провинциальном городке Щучино, на самой его окраине, одним концом вырастая из широкой и длинной улицы, а вторым упираясь в высокую грабовую рощу. И называлась она - Второй Шестой переулок. Да, именно так: Второй, но Шестой.

С непривычки у любого зеваки, случайно попавшего сюда, от удивления округлялись глаза. Он останавливался и начинал суетливо осматривать дома в поиске адресных табличек, надеясь обнаружить ошибку или, на худой конец, заме-

тить скрытую камеру какого-нибудь местного шутника. Но при виде одинаковых надписей замирал, словно в оцепенении, потом доставал фотоаппарат и делал снимок, чтобы после похвастаться перед кем-нибудь своей невероятной находкой.

Но щучинцам это название не казалось чем-то необычным или нелогичным. Все знали, что когда-то давным-давно в их городке была всего одна крупная улица, к которой примыкали несколько переулков: Первый переулок, Второй переулок, Третий, Четвертый, Пятый, Шестой и Седьмой

С высоты птичьего полета улица походила на сороконожку с кривоватыми лапками-переулками. По одну сторону их было три, а по другую - четыре. Но однажды между Шестым и Седьмым возник еще один, самый маленький. Название выбирали между Шестым с половиной и Вторым Шестым переулком. Остановились на том, который звучит короче. Так улица-сороконожка наконец-то перестала прихрамывать, обретя какую-никакую симметрию.

Но любопытна эта улочка была еще и тем, что на ней располагались всего два дома, построенные друг напротив друга.

В первом доме жила семья по фамилии Коршак. Папа, мама и трое ребятишек. Дети эти были тройняшками: две девочки и мальчик.

Девочки, Марта и Майя, ходили друг на дружку, как правая рука на левую – одинаковые, да не совсем. Обе кур-

носые, кареглазые, с немножко оттопыренными ушами, задорными косичками, черными ресницами и широкой, слегка щербатой, улыбкой. Чужие люди различали их только по одной единственной примете: на левой брови Марты виднелся небольшой шрамик – привет из детства, когда она оступилась и рассекла бровь подлокотником папиного кресла. Но мать с отцом знали: у Марты правое ухо оттопырено чуть больше левого, а у Майи – точно наоборот, словно сестры были зеркальным отражением друг друга. Хотя, по правде говоря, и родители то и дело путали дочек, когда не всматривались.

Мальчик Леон не был похож ни на мать, ни на отца, ни на своих единоутробных сестер. И можно было предположить, что в родильном отделении чете Коршаков в довесок выдали малыша-отказника, дабы избежать бабьего царства в доме и порадовать главу семейства долгожданным сынком. Но роды у пани Коршак принимала ее подруга пани Возняк, так что ошибка или усыновление полностью исключались – птенцов, действительно, было трое.

Главной отличительной чертой Леона Коршака была копна медно-рыжих кудрявых волос, в то время как все остальные члены семьи имели каштановые шевелюры. Вдобавок ко всему эту пылающую рыжую гриву разбавлял всего один единственный русый завиток прямо за правым ухом. Он был похож на дерзкий и упрямый сорняк среди пышно разросшейся календуловой клумбы, какая разбита перед городской

ратушей. Но если клумба, благодаря регулярной прополке, всегда оставалась безупречно оранжевой, то Леонов завиток совершенно бликовал на солнце и не думал рыжеть под стать всем остальным кудряшкам. Глаза у Леона были болотно-зеленого цвета, а ресницы совершенно белесые. Парнишка так же, как и сестры улыбался широко и естественно, очаровывая всех вокруг игривыми ямочками на щеках. Правда, его белоснежные зубы были слегка великоваты. Впрочем, неправильный прикус несколько не портил этого милого мальчугана.

Папа, пан Ян, очень гордился тем, что одним метким выстрелом сумел обеспечить семье сразу троих наследников. Мама, пани Анна, тоже была горда собой, но периодически сожалела, что вместе с тройней природа не дала ей еще две пары рук.

Второй дом во Втором Шестом переулке пустовал. Он не был заброшенным, просто его хозяйка, престарелая пани Элоиза Шварц, недавно покинула этот мир. А поскольку о ее родне давно уже никто слыхом не слыхивал, дом заперли на замок и стали разыскивать наследников.

Удивительным было то, что за десять месяцев сад позади дома не зарос, кусты сирени цвели еще пышнее, чем прежде, крапивное цунами не поглотило двор, и даже ласточки, свившие гнездо над окном гостиной, не сумели заляпать стекло своими бесстыдными узорами. Было стойкое ощущение, что за домом кто-то присматривает. Хотя никого и никогда ни

Коршаки, ни другие жители Крупной улицы не видели.

Пани Шварц долгое время преподавала рисование в местной гимназии. Это была статная, степенная старушенция, которая всегда носила алый берет с черной кружевной вуалью и часто забывала снять испещренные мелкими брызгами красок нарукавники, в которых работала в учебных мастерских. Но главной деталью ее ежедневного костюма была меховая горжетка в виде черно-бурой лисички. Эту вещь пани Шварц носила даже летом в самый солнцепек, то и дело обмахиваясь веером. Многие могли поспорить, что видели, будто она периодически начинала махать им даже перед носом горжетки, обвивающей ее острые плечи.

Когда пани Шварц шла по улице, все, кто был в это время рядом, медленно поворачивали голову ей вслед. Потому что даже в свои немолодые годы она ходила с идеально прямой спиной, высоко держа подбородок, и одаривала прохожих таинственной полуулыбкой и кивком. Никогда не спешила, не оборачивалась, не раздражалась, а была какой-то невозмутимо спокойной от всего, что ее окружало.

В день, когда Коршаки узнали, что пани Шварц больше нет, жизнь на Крупной улице и в ее восьми переулках шла обычным чередом. Утром, как всегда, почтальон принес папе газеты, тот обожал эту старомодную привычку читать новости на террасе за завтраком, а потом направился через дорогу к дому пани Элоизы. Трижды позвонил в колокольчик, но, когда ему никто не ответил, сам открыл калитку и про-

шел в дом. Спустя пять минут в доме Коршаков заверещал телефон, пани Анна взяла трубку и вдруг громко ахнула. А потом спросила: «Вы уверены?» и, повернувшись к семье, грустно сообщила: «Пани Элоиза умерла».

Через полчаса по двору пани Шварц туда-сюда сновали полицейские и врачи. Почтальон сидел на скамеечке у дома и что-то долго говорил инспектору полиции, а тот записывал, разложив на коленке свой кожаный планшет.

Все это действие дети Коршаков наблюдали, сидя на заборе, откуда было лучше видно происходящее в соседнем дворе. Пани Анна ходила с глазами на мокром месте, а пан Ян, чтобы никто не видел его печали, удалился к себе в мастерскую и взялся за сломанный табурет, который лежал там с зимы в ожидании починки.

- Я никогда в жизни не видела мертвяка, - сказала Марта, пытаясь освободить застрявшую между досками ногу, — это, наверное, такой ужас, такая жуть, что страшно представить

- А говорят, что у мертвяков бывают открыты глаза! И что в них отражается то, что человек видел последним в своей жизни! – заявила Майя.

- Тю, начиталась ерунды! – усмехнулся Леон. – Если бы все так и было, у полицейских была бы стопроцентная раскрываемость убийств. Вот вспомни: два дня назад папа принес из рыбного живого судака. Потом судак окочурился, и мы его съели на ужин. Но голову его ты видела? Кто-нибудь

из нас отразился в его глазах?

- Блин! Да что за напасть! – задрогала ногой Марта и, наконец, выдернула босую ступню из кеда, который немного поторчал меж досок и шлепнулся на землю. Девочка слезла с забора и запрыгала на одной ножке к кеду. – Да, Майя, поменьше фантазий! Я и так сегодня не усну. Попрошу-ка я папу разрешить, чтобы Пикуш спал этой ночью в нашей комнате. А ты, Леон, не боишься мертвяков?

- Ну, уж нет! Папа всегда говорил, что бояться надо живых, а от мертвых никому никакого вреда быть не может. А помните, прошлым летом к пани Ратай забрался воришка? Думал, что та уехала в отпуск, а она оказалась дома и завизжала на всю Крупную так, что вор перепутал входную дверь с дверью туалета и угодил носом в унитаз? Вот ему уж точно было страшно! – и Леон громко засмеялся нарочито деланным басом, словно он тридцатилетний дядька.

- Помню-помню! – подтвердила Майя, хихикая в ладошку. Громко смеяться она стеснялась, держа в уме то, что сегодня утром случилось с бедной пани Шварц.

Марта была чуть строптивей и бойчее Майи и, вторя брату, зашлась раскатистым гоготом.

Из окна кухни выглянула мама:

- Прекратите, шальные! В такой день хохотать на весь переулок... стыдоба! Лучше идите в дом, мойте руки - обед на столе. Леон, крикни папу, что-то он засиделся в мастерской.

Леон пошел по тропинке, огибающей дом, на задний двор

в папину коморку.

Мастерская, она же кабинет, представляла собой небольшое деревянное строение с тесноватой комнаткой. С одной ее стороны стоял внушительных размеров дубовый стол с функцией верстака. Папа изобрел его сам. Секрет этого предмета состоял в поворотной столешнице. Будучи письменным столом, она маняще бликовала лакированной поверхностью, на которой папа так часто раскладывал свои рукописи, долго вчитывался в текст, то подчеркивая, то вымарывая отдельные слова и строчки. Но можно было крутануть столешницу вокруг невидимой оси, как стол являл хозяину обратную сторону – грубую, исцарапанную столярными инструментами, в застывших каплях клея и краски, дышащую творчеством совершенно иного рода.

В противоположном конце комнатки папа обустроил уголок поуютней: небольшой диванчик, высокая лампа на ножке, а за ними – стенка с полками. На одних полках в косой рядок выстроились папины книги, на других – лежали его инструменты. И это странное соседство литературы со столярными приспособлениями вызывало у Леона настоящий восторг, словно на его глазах свершалось нечто великое – симбиоз лирики и механики.

В мастерской всегда стоял аромат свежих древесных стружек, столярного лака и кубинских сигар, которые папа обо-жал и курил их только здесь, потому что мама не выносила запах табака. Но сегодня Леон почувал и еще один запах -

горьковатый, как полынь, терпкий, с легким оттенком хвои. В мастерской пахло алкоголем.

— Все это так печально, мой мальчик... – вздохнул папа. – Пани Шварц... Она ведь всю мою жизнь БЫЛА. Я родился – она была, я рос, ходил в школу – она была, учился в университете, женился – она была. И вот сегодня бац – и ее не стало. Это так странно. С точки зрения природы, конечно, понятно, объяснимо, но лично для меня странно и, как оказалось, достаточно больно. – Пан Коршак погасил сигару, закрыл глаза, провел по ним рукой и приобнял сына за плечи, – такие дела...

- Пап, там мама звала, надо идти, - Леон мотнул головой в сторону дома, подозревая, что отец, скорее всего, начнет отнекиваться. Но пан Ян тяжело кивнул и потянулся к выключателю, чтобы погасить свет над верстаком. Потом он поднял с пола отремонтированный табурет, поставил его на ножки, и они с сыном вышли прочь.

Глава 2. Сливовая косточка

Во время обеда все молчали. Потом Марта набрала в легкие воздуха и, наконец, заговорила:

- Пап, нам страшно, пусть Пикуш сегодня переночует в нашей с Майкой комнате. Мы его искупаем, хорошенько вымоем шампунем, вычешем шерсть, все-все сделаем, только разреши! Пожа-а-алуйста! – и она сложила руки лодочкой в трогательной детской мольбе.

Папа вздохнул, он и не собирался проявлять сегодня свою обычную строгость.

- Кстати, Анна, давай, и правда, будем почаще впускать собаку в дом, - обратился он к маме. - Пусть Пикуш ест тут, рядом с нами. Улица улицей, но ведь пес – тоже член нашей семьи. Давай мы немножко пожертвуем твоей чистотой? А то пока был щенком – на диванах позволяли спать, а когда сам стал размером с диван, так сразу – марш во двор? Неправильно как-то...

Пани Коршак удивленно приподняла свои четко очерченные каштановые брови и всплеснула руками.

- Ишь ты, новые правила! Да ты первый не выдержишь этой бесконечно летающей по дому шерсти! С твоей-то аллергией, Ян. Нет, я-то ничего... Мне несложно лишний раз пропылесосить, но что-то мне подсказывает, что твой при-

ступ мягкосердечности пройдет раньше, чем ты скажешь «где мои капли».

Папа на секунду задумался, но потом махнул рукой и повернулся к Леону: «Приведи его, сынок».

Пикуш был огромным беспородным псом с длиннющей шерстью. В щенячем возрасте он походил на пушистую плюшевую игрушку с розовым пузиком. Коршаки взяли его из собачьего приюта, куда он попал после пожара на овощной ферме. Его мать и остальные щенки погибли в дыму. А Пикушу повезло, пожарным удалось его спасти. Несколько дней он лежал под кислородным колпаком, а дети Коршаки все бегали в ветклинику и справлялись о его состоянии. Они узнали о спасенном щенке из местной газеты, которую возглавляет их отец. Фото миленького пушистого комочка, потерявшего всю семью на страшном пожаре, так впечатлило редакторских отпрысков, что они твердо решили усыновить малыша, несмотря на то что родители еще не были поставлены в известность. О шефстве над собакой пан Коршак также узнал от своих корреспондентов, которые накатали заметку про троицу юных волонтеров, опекающих крошечного погорельца. Деваться было некуда, после выздоровления и недельной адаптации в собачьем приюте Пикуш официально был принят в семью пана редактора.

Дверь открылась, и в комнату ввалилось огромных размеров лохматое существо. Ни носа, ни глаз, ни даже ушей на нем не было видно, лишь из большой пасти, подрагивая

от каждого вдоха, свисал широченный розовый язык. Таков был Пикуш. Следом за ним Леон внес в дом большие собачьи миски.

- Добро пожаловать, малыш! – радостно крикнула ему Марта, зачмокала губами и похлопала себя по коленке. – Ну, иди, иди сюда.

- Так! – возмутилась пани Анна. – Собаку забрали в дом – ладно, но прикармливать со стола я не позволю. Марта, ты слышишь? Положи колбаску обратно в тарелку. Пикушевы миски будут стоять вот здесь, - и она поставила собачью посуду в уголок, позади стула, на котором сидел Леон.

Когда мама отвернулась, Марта ловко под столом передала колбаску Майе, а Майя – Леону. Стол был круглый, и это путешествие колбаски под столешницей оказалось быстрым, а главное, незамеченным мамой. Как только мама отвлеклась на закипающий на плите чайник, Леон, не поворачиваясь, с уровня бедра метнул колбаску в сторону мисок и попал в цель. Пес довольно зачавкал. А пан Коршак впервые за последние несколько часов улыбнулся и хитро подмигнул Марте.

В глубине дома снова зазвонил телефон.

— Это Веста, - крикнула пани Анна из гостиной, глядя на высветившийся номер.

Веста – старшая сестра пана Коршака, любимая тетюшка тройняшек, живущая на другом конце города.

- Алло, здравствуй, дорогая. Да, ты уже в курсе? Да, как

же все это печально. И так неожиданно, только мы сели завтракать...

Голос мамы стал удаляться. Вероятнее всего она пошла наверх, в свою спальню. Леон доел обед, потрепал за ухом развалившегося под столом Пикуша, повернул голову в сторону кухонной плиты и машинально отчеканил «спасибо». Майя хихикнула, а Марта громко втянула в рот порцию компота. Всей ребятне и даже папе было очевидно, что сегодняшней день безнадежно подпорчен. Теперь всем хотелось дожидаться ужина и поскорее лечь спать.

Леон решил провести оставшееся время за игровой приставкой и потопал вверх по лестнице, чтобы скрыться от сестер в своей комнате и побыть в одиночестве. Проходя мимо родительской спальни, мальчик остановился, слыша, как мама говорит тете Весте:

- Представляешь, отдала их мне! Говорит: "Ах, пани Анна, как же я любила в детстве сливовый пирог, а в юности – сливовое вино, которое папа готовил сам. Наша сливушка каждый год давала чудесный урожай, но как только папы не стало, она захирела и почти перестала цвести. Представляете? А в этом году зацвела!" И ласково так о дереве – сливушка! Будто это ее сестра или золовка. А потом протягивает мне кулек слив и говорит: "А это вам. Я одну съела и поняла, что больше их не люблю. В детстве, говорит, так любила, так любила. А теперь все, отпустило. Ваш Леончик вчера залез на мою сливу и сорвал одну, так я подумала.... Нет!

Не ругать!" Я стала, было, обещать, что накажу его, а она: "Нет, пани Анна, пусть ваши дети их съедят. Им же нравится. Правда, урожай очень слабый – вот всего восемнадцать штук собрала. Испеките пирог. Мой любимый, сливовый. Деткам. Вот вам рецепт". Да... и бумажку дала. Я пекла, да. Вкусно – не то слово. А сегодня на тебе – умерла... Я бы посадила у себя, да все косточки вчера повыбрасывала. Ох, Веста, кабы знать, кабы знать...

«Ну и ерунда, - подумал Леон, падая ничком на кровать, - какая слива? Причем тут сливы? Съел и съел, даже вкуса не помню». Голова у него немного загудела, мысли стали путаться, в висках застучало «сли-ву-шка, уш-ка, уш-ш», и через пару минут мальчуган провалился в сон.

Это напоминало падение в глубокую яму. Руки и ноги Леона онемели. Всюду чудилась опасность, ему хотелось поскорее спрятаться, затаиться, но каждый шаг давался с огромным трудом, словно мальчик пытался бежать, стоя по пояс в воде. А та вода напоминала кисель, что еще больше затрудняло движение. Во сне он звал на помощь, на самом же деле не мог издать ни звука. Его окатило холодом отчаяния и страха. Леон понимал, что спит, но проснуться не было сил.

Кто-то шел за ним. Дыхание этого человека уже касалось шеи Леона, от чего малюсенькие волоски на ней встали дыбом, а по коже прокатилась волна озноба. Леон не видел незнакомца до тех пор, пока не оказался напротив стеклянной двери, в которой отразилось чье-то бледное и худое ли-

цо. Мальчик сощурил глаза, сиюсья рассмотреть своего преследователя, и вдруг от неожиданности отпрянул. Из-за плеча на него с укоризной смотрела пани Шварц. Леон развернулся, вжимаясь лопатками в дверь, и изо всех сил надавил на нее. «Открывайся же, ну...» - мысленно умолял он преграду, но дверь не поддавалась. Пани Шварц, не двигаясь и не произнося ни звука, стояла в двух метрах от него и буквально пронзала ледяным взглядом. А потом она вскинула вперед свою худую белую руку и потянулась к Леону. Рука стала медленно расти и истончаться все сильнее. Казалось, она вот-вот коснется щеки мальчика, вот-вот заставит его онеметь навсегда. Указательный палец ее вдруг стал менять форму. Но вдруг...

Кто-то дотронулся теплой ладонью до его лба. Леон вздрогнул и наконец-то открыл глаза. В тусклом свете настольной лампы он смог различить лицо сестры Майи, повернул голову и увидел сидящую на краю кровати маму. Похоже, она была чем-то встревожена.

- Лео, милый, у тебя жар. Я хотела послать за доктором, но папа сказал повременить. Что с тобой? Как ты себя чувствуешь? Я не понимаю, что могло произойти, за обедом ты выглядел бодрим...

- Ты пропустил ужин, - заметила Майя, - но мы оставили тебе кусочек индейки с фасолью. Мам, давай я принесу ему сюда?

- Да, доченька, пожалуйста, принеси. И попроси сестру, пус-

кай заварит травяного чаю с имбирем. Он там, в зеленом шкафчике, слева от...

- Мам, не нужно, - прервал ее Леон, - лучше просто воды!

- Ладно, - сказала сестра и уже было повернулась к выходу, чтобы выполнить его просьбу, как в комнату вошла Марта.

- Как ты, рыжий? Думала, мы вместе искупаем пса, а ты, говорят, свалился. Ладно уж, мы сами. Может, ты и вправду так впечатлился смертью пани Шварц, что тебе стоит полежать денек-другой?..

Мама строго одернула ее.

- Марта Коршак, откуда в тебе столько цинизма? Нет, все-таки это необъяснимо: как трое, родившиеся у одной матери в один день, могут быть настолько разными по характеру? Взяла бы хоть раз пример с сестры!

- Ма-моч-ка, ну не ворчи! Зато у меня крепкая нервная система, и в критической ситуации, когда остальные сдуются и превратятся в слизняков, я соберусь и найду правильное решение! Ну-у, по крайней мере, так считает папа, а я не вижу причин не доверять ему.

- Ух, задавала, - пробурчал сквозь зубы Леон.

- Просто я не такая как вы. Смиритесь. Вот я, например, вас всех люблю такими, какие вы есть. Майка у нас – цветочный эльф, ты, Леончик, -вообще темная лошадка, до сих пор не знаю, как ты себя поведешь, когда что-нибудь случится. Мама...- тут Марта повернулась к пани Анне. – Только не обижайся, мамуль, но ты у нас мумми-мама со своим извеч-

ным «охохонюшки», папа – тоже эльф, только не такой нежный, как моя сестрица, а мудрый и сдержанный. И я со всеми этими обстоятельствами мирюсь уже целых одиннадцать лет. Чего и вам желаю.

Она снова улыбнулась, но уже высокомерно и гордо, и, лихо присвистнув, пошла вниз, собираясь, видимо, купать собаку. Леон махнул рукой ей вслед, и снова обратился к Майе: «Так что там насчет воды?».

Мама встала с кровати Леона, сказав, что лучше принесет воду сама, и тоже пошла вниз на кухню. Майя вздохнула:

- Не обращай внимания, Лео. Наша Марта всегда была немного ку-ку. Но в общем-то она права, я, действительно, по сравнению с ней слизнячок с крылышками. Хотя лично я не против. Вот скажи, зачем мне быть другой, если рядом есть она, правда ведь? – Майя задумчиво провела пальцем по полке с книгами. – Ого, ну и грязюку ты здесь развел, братец... Ой, что это?

Кончиками пальцев она взяла что-то с полки. В полумраке было сложно понять, что именно, но Леон почувствовал, что эта штука вызвала у сестры приступ брезгливости.

Майя скривилась и бросила это нечто в открытое окно. Оно громко брякнуло о жестяной отлив подоконника, срикошетило и полетело в кусты жасмина, откуда послышался шорох листвы.

- Похоже на абрикосовую косточку. Леон, ты чего? По ней уже ползали муравьи! Але!

- Косточка? – Леон даже привстал на локтях. – Ну вот кто тебя просил, Майка? Моя косточка, мои муравьи и, в конце концов, это моя комната!

Майя оторопела от неожиданности.

- Ты сдурел? Я ему мусор выбрасываю, а мне же еще и досталось! Ну тебя, в самом деле! – и она тоже выбежала из комнаты брата, со всего маху хлопнув дверь.

Леон остался один. Он задумался о косточке. Ведь это была та самая, от сливы, которую он сорвал три дня назад с дерева пани Шварц. «А она ее в окно. Может, пойти поискать?» Правда, он и сам не знал, для чего она ему.

Снизу послышался голос мамы: «Уже иду, милый, несу-несу».

- Мам, все в порядке, я сам спущусь, - ответил ей мальчик, встал с кровати и тоже зашагал вниз по лестнице.

Из ванной комнаты доносился шумный плеск воды и собачье рычание, изредка сменявшееся громким лаем и девичьим смехом. Сестры купали пса. Леон взял из маминых рук стакан с водой, выпил залпом и со словами «пойду подышу» вышел на крыльцо.

В темноте, густой, как кленовый сироп, неистовствовали цикады. Звезды висели низко-пренизко и отливали металлическим сиянием, как зимой рождественские колокольчики, которые мама каждый год развешивает в саду и перед домом. Сейчас Леону казалось, что звезды тоже тихо позвякивают, вторя цикадам и убаюкивая. Над кустом роз летал одинокий

шмель, грузно присаживаясь то на один цветок, то на другой. Леон и не знал, что шмели и по ночам продолжают трудиться.

- Шмельная работа, - пробормотал он и вышел на тропинку, ведущую за дом.

Леон старался ступать аккуратно и медленно, чтобы случайно не растоптать какую-нибудь зазевавшуюся садовую лягушку, коих в саду было пруд пруди.

Проходя мимо окна гостиной, Леон увидел папу, дремлющего над книгой, и маму, бережно снимающую с его носа сползшие очки. Леону всегда очень нравились отношения матери и отца, такие трепетные и уважительные, полные любви и заботы друг о друге.

Иногда мальчику казалось, что его родители – профессиональные актеры, которым по долгу службы нужно каждый день играть свои положительные роли. И что вот-вот невидимый режиссер прокричит «Стоп. Снято!», и мама с папой станут обычными неидеальными людьми. Но, похоже, этот любовный сериал был бесконечно длинным, поскольку его бюджет представлял собой поток их нежных чувств друг к другу. А они и не думали иссякать.

Однажды, в какой-то из папиных дней рождения тетя Веста, выпив кружку ароматного имбирного пунша, стала особенно разговорчивой и рассказала детям историю знакомства их родителей.

Юная Анна Крохоля жила в Шестом переулке и была

неимоверной красавицей. Правда, мальчишки ее мало интересовали. Больше всего она любила стоять на балкончике своей комнаты на втором этаже и играть на скрипке, обдуваемая ветром и огибаемая легкими прозрачными занавесками. Анна училась в музыкальной школе и мечтала стать скрипачкой, как ее прабабушка, о которой она слышала от бабушки, а потом и от мамы, и чье фото - со скрипкой в руках - стояло в резной рамочке на ее прикроватном столике. Образ тоненькой девушки с развевающимися на ветру волосами, касающейся струн изящным смычком, настолько прочно въелся в ее хорошенькую головку, что избавиться от него самостоятельно она попросту была не способна.

Конечно, Анна замечала, что за ней наблюдают несколько пар мальчишечьих глаз, когда в очередной раз воодушевленно репетировала на балконе, но она воспринимала их только лишь как глаза поклонников своего таланта, а не себя самой.

Тем не менее, спустя несколько недель Анна отметила, что поклонников поубавилось. Теперь за ней следил только мальчишка, катающийся целый день мимо ее дома на велосипеде. И еще один мальчуган, который постреливал глазами из-за забора, сидя у себя в саду с книжкой. Их приусадебные участки примыкали друг к другу только со стороны заднего двора и сада, потому что дома располагались в разных, параллельных друг другу переулках.

Было видно, что велосипедист – тот еще задира, а книголюб – скромняга, каких в школе обычно называют «бота-

нами». И если задира при каждом удобном случае выражал свою симпатию ехидной шуточкой или якобы случайным пинком, то «ботан» ухаживал ненавязчиво и тонко. Так вместе с газетой Анна могла достать из почтового ящика свежесрезанную розу, а вернувшись из магазина обнаружить в своей корзинке среди багета и молочных бутылок кем-то подброшенную шоколадку. Чуть позже такие «подкидыши» начали сопровождаться трогательными записками. Сперва со стихами, затем с первыми предложениями о дружбе. И, разумеется, подобные ухаживания ей нравились куда больше, чем нелепые смешки и выкрутасы задиры-велосипедиста.

Первое свидание прошло угловато, дети ужасно стеснялись друг друга. Ян (а это был он) даже чуть не начал заикаться от волнения. Но вовремя взял себя в руки и успокоился. Анна все больше молчала и улыбалась, густо краснея.

- Почему я раньше здесь тебя не видел? «Ты приезжая?» —спросил он.

- Да. Это дом подруги моей мамы, поэтому наша семья здесь ненадолго. Скоро приедет мой папа (он сейчас работает в Африке), и мы купим свой собственный дом. А пока я живу здесь.

— Это хорошо. То есть... я хотел сказать, хорошо, что у тебя будет свой дом в нашем городе.

- Мне нравится у вас. Здесь все такое необычное...

- О да, когда-нибудь я покажу тебе, какой красивый у нас лес. Грабовый! Во всем мире нет такого леса! Правда я не

был во всем мире... – осекся Ян и тут же простодушно рас- смеялся. Это произошло так неожиданно и так искренне, что Анна тоже залилась звонким смехом. С той минуты они пре- кратили смущаться, и общение наконец-то стало легким и увлекательным.

На второе свидание Ян пришел с подбитым глазом. Про- исхождение синяка он так и не открыл своей новой подруге. Но Анна и сама догадывалась, что, скорее всего, это были последствия выяснения отношений с тем задирой. Впрочем, ее это мало тревожило, скорее забавляло. Чем не рыцарский турнир за право дружбы с прекрасной дамой? Да-да, Анна была обычной девочкой, которая тоже временами мечтала хоть немножко побыть принцессой, на чье сердце претенду- ют отважные кавалеры.

Потом один за другим побежали годы, и детская друж- ба переродилась в юношескую любовь, а когда оба оконча- тельно повзрослели и стали самостоятельными людьми, до- шел черед и до свадьбы. Ян и Анна стали супругами, а потом и родителями уже известной нам развеселой троицы. И без ложной скромности очень многие жители города считали их семейство образцовым, хотя они сами за дверью своего дома порой творили невообразимые чудачества. А иначе, откуда бы у них могли родиться эти забавные, сумасбродные и со- вершенно невероятные дети? Такой была семья Леона, таки- ми любящими и клевыми были его родители.

«Не то, что у Влада Черняка из Четвертого переулка. Его

родители – первые скандалисты района. Пять раз разъезжались, а потом снова съезжались, какая-то странная тяга к скандалам. Нетушки, только не так, - думал Леон, - уж лучше одному» ...

Тут он дотопал до куста жасмина, который уже давно отцвел, но впечатлял одной лишь пышностью листвы и походил на густой зеленый стог. Искать маленькую косточку под ним было сомнительным занятием, но Леон попытался. Он включил фонарик своего телефона и поводил им туда-сюда под кустом и вокруг него. Косточки нигде не было. Зато обнаружился черепок от садового гнома, которого Леон случайно задел ногой, играя с сестрами в мяч на позапрошлой неделе. Мальчик вспомнил, что мама собиралась реанимировать гнома, если осколок, который представлял собой кончик гномьего колпачка, все-таки отыщется, потому подобрал алый керамический конус и пошел обратно в дом.

Собственно говоря, воспоминания о дне, когда пани Элоиза Шварц ушла в мир иной, этим и ограничивались. Дальше жизнь семьи Коршаков потекла в обычном темпе. Только постоянная темнота окон в доме напротив навевала тоску, а чистота и опрятность двора – тревожное удивление.

Глава 3. День рождения

Прошли месяцы и на дворе стоял май. Занятия в школе уже почти закончились, и тройняшки Коршак постепенно впали в состояние предканикулярной расслабленности. Это время дети просто обожали. И даже не столько из-за приближающихся беззаботных деньков без учебников, ранних пробуждений и ненавистной зубрежки, сколько из-за одного дня, который являлся их общим днем рождения - 31 мая. К тому же – двенадцатилетие. Папа часто повторял странное слово «рубеж», говоря об этом дне. И хотя дети знали его значение, Леону все время казалось, что это слово чем-то напоминает «ружье», которое вот-вот должно выстрелить.

По маминым рассказам первой в этот мир пришла Майя. Собственно говоря, потому ее так и назвали. Вслед за ней родилась Марта, не желающая хоть в чем-то отставать от сестры. В сущности, эта ее черта впоследствии вылилась в то, что Марта всегда и во всем была первая, желая хотя бы так обойти единожды опередившую ее сестрицу.

Леон родился третьим. Мама любила вспоминать об этом моменте, придумав собственный каламбур: с ее мальчуганом пани Возняк пришлось изрядно повозиться. Леон был довольно крупным младенцем и не торопился выходить на свет божий. В то время как обе его сестры уже горлопанили на

все родильное отделение, вызывая скупую слезу у счастливого пана Коршака, Леон не спеша и вдумчиво продвигался навстречу жизни. С другой стороны, знай он, как утомлена родами мама, наверняка поспешил бы. Но уж такой у него был характер – все делать постепенно, разжевывая каждую деталь всего происходящего буквально до молекул.

- Когда ты появился на свет, вокруг стало еще светлее, - предавалась счастливым воспоминаниям мама, - потому что при рождении уже был рыженький, как солнышко. И это неспроста. Ведь ты родился в первые секунды лета! Все родильное отделение сбежалось полюбоваться на это чудо

- Mam, мне кажется, что все же логичнее было бы любоваться дочками, - ревниво надувала губки Майя.

Мама молча улыбалась ей в ответ. Тогда инициативу перехватывал находчивый папа, который всякий раз напоминал девочкам, что в момент рождения Леона они обе уже были у него на руках, и он любовался ими «во все четыре глаза», и при этом забавно двигал очками на переносице.

- Но если я родился в первые секунды лета, то почему в моей метрике записано 31 мая, как у девчонок?

- Не знаю, милый. Возможно, врачи решили устроить вам троим единый день рождения, а может, больничные часы отставали на минуту-другую. Но ты верь мне, сынок, я точно знаю, что ты у нас – летний ребенок, - настаивала пани Анна и ласково проводила рукой по рыжим Леоновым кудрям.

Леону нравилось, что у него есть такая личная особен-

ность рождения. Он обожал истории с массой необычных деталей, о которых мало кто знает. Но и против совместного с сестрами дня рождения не имел ничего против. Все-таки отмечать праздник вместе – это весело.

В этом году дети задумали отпраздновать день рождения как-нибудь особенно, чтобы потом вся Крупная улица гудела от обрушившихся на нее впечатлений. Папа почти сразу смирился с тем, что семейный бюджет может несколько просесть. Более того, он еще с Рождества откладывал деньги, предчувствуя грядущие траты, и не собирался быть застигнутым врасплох. Ведь он хорошо знал своих детей – этой троице в голову могли прийти любые невероятные идеи. А отказывать любимым отпрыскам в осуществлении их задумки было не в его правилах.

До дня рождения оставалась ровно две недели, а дети все не могли определиться с тематикой праздника. Им в голову взбрехали то «космос», то «герои одной популярной компьютерной игры», то любимые Майкины эльфы И ни разу все трое не были хотя бы за что-нибудь единогласно «за». Еще чуть-чуть, и подготовка ко дню рождения грозила обернуться ссорой.

- А давайте устроим вечеринку индейцев? – возбужденно затараторила Марта однажды утром, когда ребятня в очередной раз собралась на детсовет для обсуждения будущего мероприятия. – Пригласим всех наших друзей от Первого до Восьмого переулка, но обязательным условием будет ин-

дейский наряд: перья, стрелы, томагавки там всякие... А для подарков сколотим специальный алтарь. Папа поможет. Все будут приходить, класть на него свои дары и идти веселиться. Ничего идеяка?

- А что, по-моему, это круто-о-о! – восторженно протянула Майя. – Это ж надо будет придумать себе индейское имя. Э ну, например, Ванильная Луна! Как тебе, Марта?

- Ага, тебе подходит. Хотя я не уверена, что у индейцев была ваниль, - ответила Марта и повернулась к брату. – А ты, Лео, что думаешь про индейцев?

- Окейная идея! Берем. И как это мне самому не пришло в голову? Я же как раз в теме, потому что только позавчера наконец-то дочитал «Следопыта». По горячим следам делать индейский праздник будет проще. Вы, девчонки, думайте, чем угощать ораву гостей. Не картошку же фри вы им подсунете и не пиццу. Давайте придумаем индейские блюда. Посоветуйтесь с мамой и тетей Вестой. Ну, а мы с папой возьмем на себя алтарь и луки со стрелами!

- Кстати! По поводу одежды! Где мы, к примеру, раздобудем перья? – вдруг встрепенулась Майя.

- И правда, - согласилась с сестрой Марта. – Где?

Леон задумался. Ни кур, ни гусей на Крупной улице и в восьми ее переулках никто не держал. Нужно было срочно что-то придумать. Он пообещал сестрам, что эту проблему он решит позже, а пока нужно детально продумать план праздника и составить список приглашенных.

Через неделю многое уже было готово. В папиной мастерской стоял многоярусный деревянный сундук, который должен был сыграть роль священного алтаря для даров индейцев. Здесь же возвышались два деревянных каркаса для будущих вигвамов. Было решено поставить их в саду и использовать в качестве шатров для праздничного фуршета. Из бочонка, стоящего в углу, уже торчали деревянные стрелы, с помощью которых детям предстояло «разослать» всем друзьям пригласительные записки.

Пани Анна, тетя Веста и девочки придумали необычные индейские блюда. В сущности, те не были по-настоящему индейскими, но выглядели весьма экстравагантно. Запеченная индейка должна была сыграть роль неизвестной тропической птицы, которую подстрелил какой-нибудь Зоркий Глаз. Из фруктов решили сложить пестрые композиции, чтобы показать изобилие индейских лесов. Напитки придумали сделать необычных ярких цветов, воспользовавшись готовыми сиропами для коктейлей.

Из строительного гипермаркета папа привез целую охапку домотканых лоскутных ковриков, которые планировалось разбросать по всему саду. Трава травой, а сидеть все же удобнее на подстилке, чтоб уж совсем по-индейски, особенно, если захочется перекусить и отдохнуть от игр и плясок, которые, как пообещала Марта, должны были быть просто безудержными. На этом этапе подготовки супруги Коршак даже порадовались тому, что сейчас у них нет соседей, чей по-

кой без вариантов был бы нарушен. Для шатров были сшиты огромные, как парашют, пестрые тенты и многочисленные разноцветные флажки. Оставалось только доделать костюмы.

Леон уже смастерил себе и сестрам луки, покрасил их черной краской, поверх которой белым цветом нанес странные орнаменты и рисунки: где-то – глаза, где-то – фигурки животных. Теперь нужно было во что бы то ни стало добыть перья для стрел и для украшения костюмов.

- Я думаю, что стоит обратиться к старому пану Вишне, что живет в начале Крупной. Знаешь его? «Он же охотник!» —сказал как-то раз папа, выстругивая очередную стрелу из березовой ветки.

Леон заинтересованно замер.

- Пан Вишня – дядька молчаливый, но безобидный. Я даже помню, как лет тридцать назад, когда я сам еще был зеленым пацаненком, он принес маме десяток отличных вальдшнепов. У отца тогда с работой было не очень, и эти вальдшнепы оказались весьма кстати. Мы и суп из них варили, и на сковородке с луком зажаривали, и в печке с картошкой запекали

- А что такое вальдшнеп, пап? Птица такая? – заинтересовался Леон.

- Да, это дичь, - ответил пан Коршак, - но с непривычки она тебе может показаться не такой вкусной и нежной, как курятина. Однако если все правильно приготовить, уж по-

верь мне, сын, кушанье получается отменное. Правда, сам я не сторонник охоты, но каждому в этом мире – свое. Мне – газету издавать, пану Вишне – по уткам да вальдшнепам из ружья палить. Закон, как говорится, не запрещает.

- А разве пан Вишня до сих пор ходит по лесам? Я видел его на прошлой неделе в булочной. И выглядел он неважно, пап, сморщенный, сгорбленный какой-то. Может, он уже забросил охоту?

- Ну что ж, узнаем! За спрос, знаешь ли, не бьют в нос, - засмеялся пан Ян и ловко метнул готовую стрелу в бочонок с остальными стрелами. – Оп-ля, попал! Как думаешь, может, добрый знак?

Леон улыбнулся. Ему ужасно нравилось, что папа во всем находил хорошие приметы и видел жизнь как череду счастливых, но загадочных неслучайностей. С ним никогда не было скучно.

Старый дом за высоким глухим забором знала каждая собака Крупной улицы. Из-за ограды никогда, ни при каких обстоятельствах не было слышно ни звука. И если бы пан Вишня время от времени не выходил то в булочную, то на почту, то еще куда-то, можно было предположить, что в доме никто живет. Но дом всего лишь был под стать своему молчаливому и нелюдимому хозяину – негостеприимный и мрачный.

Откуда в городе взялся этот вечно угрюмый старикан –

никто толком не помнил. Старожилы знали, что человек он пришлый, но уже так давно живет здесь, что стал почти своим. И вот это «почти» как раз и было основной причиной того, что многие считали пана Вишню человеком сомнительным. Сперва к нему присматривались. Потом некоторые даже предпринимали тщетные попытки подружиться с ним, войти в доверие. Но все эти поползновения старик быстро пресекал одной лишь своей неулыбчивостью.

И только пани Агате Коршак из Второго Шестого переул-ка удалось с ним мало-мальски заприятельствовать. А произошло это так.

Стояла осень. Обычная дождливая пора, когда из дому носа казать не хочется. И сидеть бы пани Агате дома с вязанием, но нужда заставила идти в лес за грибами. Ее супругу, пану Адаму Коршаку, уже второй месяц не платили жалованье, и семья потихоньку доедала заготовленные на зиму припасы солений, джемов, картошки и вяленых домашних колбас. Пан Коршак был вынужден уехать на заработки в другой город, оставив семейство дома. А в то утро маленький Ян Коршак, который накануне простудился, решив измерить глубину лужи напротив калитки, размечался о грибном бульоне.

— Вот бы супчику из грибочков, ароматного, с укропом и сметаной! – сказал он, задумчиво наблюдая, как мать замешивает тесто для блинов на пустой воде.

Пани Агата затихла, ее руки на мгновение застыли над

миской с жидковатым тестом, словно две белые чайки, пойманные в объектив удачливого фотографа. Затем она отставила миску в сторону, ополоснула руки водой, вытерла их о фартук и обернулась к сыну.

Ян немного испугался своих слов, словно мог чем-то обидеть мать, изо всех сил старающуюся прокормить его, вылечить и сделать жизнь сына хоть сколько-нибудь беззаботной. Но мама не сердилась. Она подошла к Яну, села рядом, обняла его и сказала:

- Обещай, что ты не выйдешь из дома, не отопрешь никому дверь и будешь сидеть тихо, как мышь под веником? Обещай мне, Ян, тогда я смогу сходить в лес. Кто знает, может, сегодня нам и удастся поесть на обед грибной похлебки?

- Мамочка, я тебе клянусь-преклянусь! - залепетал Ян, демонстрируя маме скрещенные пальцы. - И чтоб мне лопнуть на месте, если совру.

- Ладно, Янушка. Я схожу. Тем более скоро придет из школы твоя сестра. Ей тоже захочется горяченького. Побудете немножко одни. С Вестой тебе не будет страшно. А я быстро, - и пани Агата пошла в прихожую одеваться.

Накинув непромокаемый плащ и захватив корзинку, она вышла во двор. Под ногами размокшая земля была скользкой и податливой. Каждый шаг оставлял под собой глубокий отпечаток, который тут же заполняла дождевая вода. И пунктир таких лужиц ровненько укладывался за пани Агатой, словно сказочная нитка для возвращения домой.

Второй Шестой переулочек, как мы помним, заканчивался прямо перед грабовой рощей. И сквозь заросли орешника уже была протоптана узкая тропинка, по которой пани Агата вошла в лес. Здесь пахло мокрыми листьями, мхом и, что ее больше всего обрадовало, грибами. Пройдя шагов двести в глубину леса, пани Агата заметила первый гриб. Старый, с широкой и немного объединенной слизнями шляпкой, он, скособочившись, торчал прямо на виду, словно был уверен, что на него вряд ли кто-то позарится. Срезав его под самую грибницу и немного сострогав ножиком края шляпки, пани Агата положила находку в корзинку и окинула взглядом место. В полуметре от нее из-под коричневых, налипших друг на друга листьев, выглядывали еще два грибочка. Они были поменьше, но покрепче первого, без признаков червивости и трухлявости. И, вероятно, эти грибные братья надеялись, что камуфляж из опавшей листвы – их спасение от грибников. Но пани Агате не было дела до их маскировки. Сняв с одного из них маленького слизня, она отправила грибы на дно корзинки к их кривенькому сородичу.

Шаг за шагом, пани Коршак все дальше уходила в глубь леса, то и дело нагибаясь за очередной добычей. И когда ее корзинка была уже почти полна, она остановилась и огляделась.

Дождь прекратился. С ветвей деревьев все еще срывались крупные капли, звучно ударяясь о плотную ткань ее плаща и разлетаясь на еще более мелкие капельки. В лесу наступи-

ла тишина. Ветки не колыхались ни от ветра, ни от прикосновения беличьих лапок. Звери и птицы притихли, прячась по норам да по дуплам. Только хворост изредка потрескивал под ступнями пани Агаты.

И вдруг это безмолвие, словно острым клинком, рассек чей-то пронзительный крик, спустя секунду сменившийся на стон. Сначала ей почудилось, что это голос какого-то зверя, который завывает то ли от боли, то ли от голода. Но потом она прислушалась и распознала – стонет человек. Трясущаяся от страха, но ведомая любопытством и обыкновением сразу же бросаться на помощь, пани Агата пошла на звук.

За несколькими поваленными деревьями, хищно вскинувшими вверх корявые корни, словно руки с крючковатыми пальцами, обнаружилась большая яма. Звук доносился оттуда. Пани Агата знала: кто бы там ни был, он не сможет причинить ей зло, потому что, судя по всему, не может самостоятельно выбраться. Она опустилась на коленки, уперлась руками в мшистый край ямы и заглянула в нее. На дне, на куче хвороста и прелых листьев сидел человек. Нога его была в крови, а рядом валялся, зловеще поблескивая железными зубьями, капкан.

- Эй, - позвала пани Агата.

Человек обернулся на ее голос, и пани Агата узнала в нем пана Вишню.

- Вы в порядке? – спросила она. - Как вы там очутились?
Ее голос дрожал от волнения, а руки – от холода. Лес по-

степенно заполнялся густым волокнистым туманом. Эта субстанция проникала под одежду, обдавая кожу чем-то леденяще сырым и заставляла даже язык во рту коченеть на полуслове.

- Случайно провалился, - как будто виновато ответил ей Вишня. Сейчас он уже не казался ей таким угрюмым и мрачным, как прежде. Его губы даже едва-едва улыбались, а в глазах прочитывались безнадега и мольба о помощи. И пани Агата немного успокоилась, пытаясь унять охвативший ее озноб. Она подула на замерзшие пальцы, потерла их в кулаке и встала с коленей.

- Я не знаю, как вас оттуда достать. Скажите, что я должна сделать, чтобы помочь вам выбраться?

- Вон там, посмотрите налево, есть лещина. Наклоните прямо в яму самую длинную ветку. Я ухвачусь и попробую по ней выбраться, - ответил пан Вишня, указывая куда-то за плечо пани Агаты.

Женщина с усилием согнула тонкое деревце и окунула его макушку в черный зев проклятой ямы. Спустя мгновение ствол перестал сопротивляться ее нажиму, и пани Агата догадалась, что там, на дне, пан Вишня поймал его и крепко удерживает руками. Пани Агата снова заглянула в яму и увидела, что пан Вишня уже карабкается вверх, держась за ствол, как за жесткий канат. Когда он был уже близок к поверхности, она подала ему руку и, дивясь собственной силе, буквально выдернула пленника наружу.

Пан Вишня сразу же осел на землю, и пани Агата заметила, что на ноге его зияет кровоточащая рана. Она, не мешкая, оторвала от нижней юбки продолговатый лоскут ткани и протянула его мужчине.

- Ставил на кабана, а попался сам, - сквозь боль усмехнулся пан Вишня. – Отвлекся на глухаря. Я в нашем лесу давненько их не видел, а тут такая жирная птица! Захотелось добыть

Пани Анна удивленно покачала головой. Она и не знала, что в их лесу водятся дикие кабаны. Скорее всего, этот факт отбил бы у нее охоту ходить сюда за грибами. Но что случилось, то случилось. Глянув на ружье пана Вишни, она подумала, что с этим человеком бояться дикого зверя ей не стоит.

Пан Вишня словно прочитал ее мысли и, вставая с земли, сказал, что нет причин переживать по поводу хищников. В этом лесу он встречал всего одного старого кабана, которого рано или поздно все равно поймает или подстрелит. А других кабанов здесь нет.

А потом они вместе пошли прочь из этого промозглого и неприветливого леса. Пани Агата – с корзинкой, а пан Вишня одной рукой опираясь на ружье, как на посох, второй – держа под руку пани Агату.

С того дня пан Вишня иногда подкидывал семейству Коршаков то дикую птицу, то зайца. А летом, бывало, приносил лукошко лесных ягод или грибов. Сама же пани Агата больше никогда в лес не ходила, запретив совать туда носы и сво-

им детям, Яну и Весте.

Позже, спустя много лет, после смерти пани Агаты и ее мужа пана Адама старик Вишня стал еще более нелюдимым. Он изредка отвечал на приветствия соседей, и лишь парой слов мог перекинуться с молодым Яном Коршаком. Этим общение старого охотника с горожанами и ограничилось.

- Да ты что, Леон, ни за что и никогда! Ни за какие коврижки я не соглашусь взять птичьи перья у этого гадкого старикашки! – кричала разъяренная Марта, узнав, что брат собирается обратиться по этому вопросу к пану Вишне. – Охотник, Лео, все равно, что убийца. Не человеческий, а звериный! Вот, кому, объясни мне, дорогой братец, сейчас, в нашем веке, нужна дичь? Иди в магазин и купи уже ошипанную и выпотрошенную курицу, которая для того и выращивается, чтобы попасть на наши сковородки. Но даже ее мне жалко. А здесь бедные лесные зверюшки, несчастные беззащитные птички Не допущу! – и девочка с силой топнула ногой так, что на первом этаже в гостиной взволнованно зазвенела хрустальная люстра.

Майя вздрогнула и закивала головой, соглашаясь с доводами сестры.

- Я думаю, что, если мы сделаем перья из гофрированной цветной бумаги, они будут ничуть не хуже настоящих! Это мне в студии детского творчества подсказали. Марточка права, давайте обойдемся без помощи Вишни. Он мне настоль-

ко неприятен, что взять от него хоть что-то – это как будто самой стать мучительницей бедных зверей.

Ее карие глаза моментально увлажнились. Леон понял, что сестры пустили в ход те инструменты воздействия на него, которыми владели в совершенстве. Одна – гневом, вторая – слезами.

- Ладно, будь по-вашему! – согласился, наконец, он. – Хотя папа говорит, что Вишня – обычный дед, просто молчаливый, не любит болтать почему зря. Но раз вы такие принципиальные, лады. Бумага – значит бумага. Праздник послезавтра, а сегодня мы обязательно должны раскидать по всем знакомым стрелы с приглашениями. Предлагаю сделать это поздно вечером, когда будет темно, чтобы все друзья увидели наши послания только утром.

Майя с энтузиазмом взялась за изготовление бумажных перьев из тонкой и шуршащей бумаги, Леон по ходу дела приклеивал их к стрелам, а Марта усердно нашивала бумажную пестроту на наряды. Через пару часов дело было сделано.

Затем ребята изорвали большой лист на множество мелких клочков, аккуратно обожгли их края над огнем и подписали. Каждая записка гласила примерно следующее:

«О ты, могучекрылый Черный Гриф!

Завтра, когда солнце будет в зените, явись к священному алтарю племени Коршак с дарами и радостью в твоём сердце. Там вместе с братьями и сестрами своими ты отпразднуешь

Великий Исход Весны и Солнцenesущий Приход Лета.

Жрецы вольного племени Ванильная Луна, Огнебородый Пёс, Быстроногая Пантера.

P.S. Священный алтарь находится по адресу: Второй Шестой переулоч, дом 1.»

Кроме Черного Грифа в записках фигурировали и Песочный Кайман, и Хитроумная Чайка, и Бледноглазый Вепрь Дети Коршак придумали индейские прозвища для каждого гостя. Впрочем, они были готовы к тому, что гости внесут коррективы в свои новые имена. В сущности, каждый приглашенный давно знал о грядущей индейской вечеринке, а потому был готов стать частью вольного племени, заранее подготовив себе индейскую одежду и подарки «жрецам».

Когда Крупная улица и ее переулочки, наконец, погрузились в вечернюю мглу, и людей во дворах поубавилось, ребята, словно маленькие разведчики, мелкими перебежками засеменили от двора ко двору, ловко забрасывая стрелы с записками на крыльцо каждого дома. Как только последняя стрела была отправлена по назначению, дети вернулись домой и разошлись по своим комнатам. До дня рождения оставалась последняя ночь.

На следующий день во дворе славного семейства кипела работа по украшению территории флажками, фонариками и картонными масками индейских богов. Площадку посреди сада забросали ткаными половичками, водрузили три больших вигвама, а внутри каждого из них поставили по столу.

Мама еще рано утром вызвала на подмогу тетю Весту, и они вместе принялись расставлять на столах приготовленные накануне кушанья.

Папа и Леон вытащили из мастерской здоровенный алтарь, который занял почетное место перед калиткой, ведущей в сад. Марта и Майя принесли в комнату Леона музыкальные колонки и выставили их прямо на подоконнике, чтобы музыка разливалась по всему саду, потому что окно Леоновой комнаты подходило для этой задачи лучше всего. Марта откуда-то скачала музыку с ритуальными барабанами и завываниями жрецов.

Когда все семейство было готово к приему гостей, дети наряжены согласно индейскому дресс-коду, а Пикуш временно заперт в девичьей детской, настало время встречать гостей. Папа включил колонки, и праздник начался. Первыми пришли сестры Гольдберг – Илонка и Марьянка. Это были лучшие подруги Майи, с которыми она вместе посещала студию бальных танцев и кружок вышивальщиц. Илонка и Марьянка были на год и два старше тройки Коршаков, но при этом выглядели их ровесницами, потому что были маленькими и шупленькими, но, на беду, паталогически любопытными и болтливыми. Тихой и скромной Майе это нравилось в них, потому что сама она была больше слушателем, нежели рассказчиком. И все новости и сплетни Крупной улицы она узнавала именно от своих подружек Гольдберг.

Сестры-болтушки выглядели скорее как две африканские

дикарки, а не индианки. Их наряды походили на звериные шкуры зебры и жирафа. Лица были изрисованы белой краской, а волосы заплетены в десятки тонких косичек. Но, несмотря на это легкое несоответствие заданной теме, девочки отлично вписались в декорации. Они послушно опустились на колени перед самодельным алтарем, поставили на него коробку с подарками, поклонились несколько раз страшной маске, болтающейся над входом в сад, потом прыснули от смеха, вскочили с травы и, взявшись за руки, побежали в сад.

За ними пришел Влад Черняк. Тот самый, кого тройняшки нарекли Черным Грифом и чьи мама и папа так сильно напоминают чету итальянцев, которая сперва вдрызг ругается из-за какого-нибудь пустяка, а потом бурно мирится. Влад нехотя поклонился алтарю, положил на него свой сверток, поправил пеструю повязку на лбу и потопал к вигвамам, завидя там горы вкусняшек.

Дети Коршак забирали у каждого пришедшего стрелу с приглашением, складывали подарки позади алтаря, жали руки гостям и, тоже чинно кланяясь, указывали всем на калитку в сад – туда, мол, проходите.

Так мал-помалу собрались все гости. Папа врубил современную музыку, и началось настоящее веселье. Сначала дети старались вести себя прилично, спокойно жевали свою еду и запивали коктейлями и лимонадами, но через полчаса осмелели, не находя в поле зрения ни одного взрослого, и приня-

лись беситься и кривляться кто во что горазд. Леону стоило определенных усилий то и дело успокаивать гостей, усаживать на подстилки, чтобы всем вместе поиграть в «Крокодила» и другие смешные игры, требующие проявления смекалки, хорошего воображения и немалой доли артистизма.

Время мчалось со скоростью дикого мустанга, гонимого кем-то невидимым по необъятным прериям. Так за играми, периодическими налетами на столы с угощениями, танцами и догонялками день незаметно перетек в вечер, сад замерцал разноцветными огоньками, которые украдкой зажгла мама, стараясь остаться никем не замеченной. А детвора продолжала гулять и веселиться.

Леон, который разрывался между борющимися за его внимание Илонкой и Марьянкой, наконец-то высвободился из их рук и присел на траву возле пышного кипариса. Он чувствовал сладкую усталость и гордость за то, что праздник вышел именно таким, каким они с сестрами и мечтали его сделать. Марта и Майя прыгали вместе с гостями под очередную мелодию какой-то подростковой рок-группы, Влад с присущей ему любовью к выпячиванию вскочил на стул изогнулся и задрогал руками, изображая из себя рок-гитариста, неистово бьющего по струнам. Девочки завизжали, подпевая музыканту, орущему из колонок банальные рифмы о несчастной любви. Кто-то из мальчишек достал хлопушку и опустошил ее над головами ликующей детворы. Толпа взвыла и стала ловить оседающие на нее конфетти. Все было кру-

то.

Леон зажмурился от удовольствия и прислонил голову на мягкий бочок кипариса. Сквозь маленькую щелочку глаз он видел разноцветные блики праздника, мерцающих фонариков и блесток, сыплющихся из хлопушек.

И вдруг среди этой пестрой суеты мальчик заметил необычное, совершенно незнакомое ему сияние – две светящиеся точки на козырьке террасы. Он мог поклясться, что это были чьи-то внимательные глаза, которые наблюдали именно за ним. Хозяин этих глаз абсолютно не реагировал на грохот и движение в саду, не моргая, он смотрел прямо на Леона. В сумерках мальчик никак не мог рассмотреть, что за существо сидит на крыше террасы. И когда он в очередной раз закрыл глаза, потер их кулаками, а затем открыл – наверху уже никого не было.

- Может чей-то кот сюда забрался? Пришел на запах еды? – размышлял Леон, поднимаясь с травы. – А может, это была какая-нибудь крупная птица вроде совы? Ай ерунда, показалось...

Праздник понемногу заканчивался, дети стали расходиться. Сестры Гольдберг вцепились в нового кавалера, мальчика по имени Эрик, и наперебой рассказывали ему, как найти их дом во Втором переулке и какие классные пирожные они собираются приготовить в будущую субботу. Эрик смущался, но поддакивал им, бормоча какую-то ерунду о том, что он тоже любит сладкое и как раз в субботу совершенно

ничем не будет занят.

Марта и Майя закрыли калитку за последним гостем, обнялись и подошли к Леону. В тот же момент дверь дома резко распахнулась и во двор вырвался Пикуш, а вслед за ним вышел папа с поводком в руках.

- Папочка! А мы и забыли, что вы с мамой и Пикушем были все это время здесь, - сказала Майя.

- Мы же обещали не высовываться! И потом – это же ваш праздник. Индейский. А я где-то потерял свой боевой томагавк, потому без него на такие мероприятия не хожу. Не хочу быть принятым за бледнолицего диверсанта, - улыбнулся папа и, увлекаемый псом, скрылся за калиткой.

- О-о-о, - простонал Леон, - мне кажется, еще минута, и я упаду от усталости прямо здесь. Всем спасибо, я - спать, - сказал он сестрам и побрел в дом

Глава 4. Новый знакомый

Леон натянул свою любимую клетчатую пижаму, выключил свет и забрался в постель с мобильным телефоном в руках, чтобы забросить несколько фотографий на свою страничку в интернете. В полной темноте его лицо освещал лишь экран, отбрасывая на и без того веснушчатую кожу разноцветные пятнышки ярких снимков. Леон улыбался, рассматривая счастливые лица гостей и в особенности своих сестер, которые чувствовали себя настоящими звездами на этом необычном празднике. К тому же поводом для радости было и то, что прямо завтра начиналось лето, а значит и долгожданные каникулы. Эту мысль Леон смаковал с особым удовольствием, представляя беззаботно-ленивое утро без будильника и похода в школу.

- О нет, досточтимый пан Коршак, оно уже наступило, - вдруг послышался чей-то тихий голос из-за окна. - Четырнадцатая секунда лета только что пронеслась мимо...

Леон застыл в оцепенении. Сперва ему показалось, что это откуда-то снизу из гостиной доносится звук телевизора. Сестры любили по вечерам смотреть сериалы, уютно устроившись на диване. Но он ясно расслышал свою фамилию, а это указывало на то, что обращались именно к нему.

- Не удивляйтесь и ничего не бойтесь, дорогой пан Коршак, - снова заговорил некто. - Я не сделаю вам ничего дур-

ного. Я лишь хочу познакомиться с вами, затем я здесь.

Наконец, Леон встал, подошел к окну и посветил в него экраном своего телефона. Там, за стеклом, на узком жестяном отливе сидел лис, черный, как деготь, с оранжевыми, светящимися в темноте глазами. И возможно, Леон снова не поверил бы своим глазам, но лис поднял лапу и поскреб ею по стеклу, давая мальчугану понять, что пора бы открыть окно.

Мальчик распахнул створку и уже совершенно четко мог рассмотреть таинственного гостя.

- Вы позволите мне войти? – тонкая кайма лисьих губ зашевелилась, и Леон убедился, что голос принадлежит именно зверю.

- Да, входите пожалуйста, - как можно более вежливо ответил мальчик.

Гость ступил на подоконник, с него легко перепрыгнул на письменный стол и сел, аккуратно обернув передние лапы бубликом пушистого хвоста.

- Досточтимый пан Коршак, меня зовут Муркус Чернобурый, я ваш сосед из дома напротив. Наверняка, вы не однажды видели меня, когда моя хозяйка, досточтимая пани Элоиза Шварц, была еще жива?

«Бог ты мой, - подумал Леон, - неужели этот лис – та самая меховая накидка пани художницы? Ну, дела-а-а!»

- О, вы совершенно правы, любезный пан, это именно я! – ответил лис, словно Леон не подумал, а высказал вслух свою

ошеломительную догадку.

- Простите, но я впервые вижу говорящего лиса! – заговорил, наконец, мальчик. - Я и не подозревал, что звери способны разговаривать. Поймите меня правильно, уважаемый пан Муркус, я не знаю, как реагировать на ваше появление, просто

- Тс-с-с, - прошептал лис, - не надо так волноваться. Потому что вы все-таки говорите со мной и что вы сразу запомнили мое имя, я понимаю: вы мальчик воспитанный и не робкого десятка. А по-другому в нашем с вами случае и быть не могло!

- А какой у нас с вами случай? – заинтересовался Леон, немного осмелев, и опустился на стул в полуметре от своего неожиданного посетителя.

- Терпение, досточтимый пан, терпение! Я ждал этого дня почти год, и вот сегодня вы узнаете все, что вам положено знать. Потому что именно этой ночью кое-что произойдет. Вы готовы слушать, мой нетерпеливый друг?

Леон согласно кивнул, и Лис начал свой длинный и увлекательный монолог.

- Я понимаю ваше большое удивление, дорогой пан Коршак. Поверьте, когда-то много-много лет назад, когда я был ребенком, я тоже впервые узнал о существовании необычных тварей, которые значительно отличаются от меня и моих сородичей. Но которые при этом все же очень похожи на нас. Я имею в виду э-э-э людей

Он заметил легкое недоумение в глазах мальчика и тут же уточнил:

- Нет, я не здешний, родился не в этом лесу, не в этой стране и даже не в этом мире. Моя родина — это Аниборген, земля, на которой нет людей, а есть те, кого вы в своем мире называете полузверями, мы же зовемся аниборами. Здесь, в вашем мире я – всего лишь черно-бурый лис, лесной зверь, а у себя дома я анибор – получеловек, полулис. У меня лисья голова, лисьи ноги, хвост, а тело – такое же, как у вас, пан Коршак. И все жители Аниборгена – тоже полулюди, полузвери. У кого голова медведя, у кого – волка. Для вас мы – монстры, но, поверьте, мы не опасны, не страшны и гораздо более беззащитны, чем может показаться.

Как я оказался здесь? Дело в том, что между Аниборгеном и вашим миром есть магические ходы. Немногие способны пройти из одного мира в другой, но я могу. И открою вам секрет, многоуважаемый пан Коршак, вы тоже можете! И здесь, в этом мире, и в Аниборгене часто рождаются на свет так называемые проводники, имеющие способность перемещаться туда и обратно через тайные проходы. Обычные же люди и аниборы могут попасть по ту сторону своего родного мира лишь в сопровождении проводника.

- Вы хотите сказать, что я тоже проводник? – робко прервал Лиса ошарашенный мальчик.

- Именно так, дорогой пан! Вы получили дар свободно жить и перемещаться в любом из двух миров.

- Но где доказательства? Я никогда не слышал об этом ни от своих родителей, ни от кого бы то ни было. И странных способностей за собой не замечал. С чего же вы взяли, пан Муркус, что я такой же, как вы? – не успокаивался Леон.

- У вас есть метка – ваша серебряная прядь за правым ухом. Такие метки указывают на особое происхождение человека или анибора. Посмотрите на меня: я весь черный, но на затылке у меня тоже есть клочок серебристой шерсти, а под ней на коже – такая же светлая отметина. Мы называем ее Поцелуем Луны. Как правило, проводниками становятся те, кто родился в первую ночь растущей Луны. И вы, пан Коршак, появились на свет именно в час Новолуния, в первые секунды лета.

— Вот это да-а-а, - Леон все еще не верил в сказанное Лисом, но понимал, что само появление перед ним говорящего зверя – это уже повод поверить всему, что происходит в этой комнате.

- А что я теперь должен делать? И где находятся эти магические ходы. Простите, пан Муркус, у меня в голове полный кавардак

- Понимаю, пан Коршак, но скоро вы во всем разберетесь. Как я уже сказал, сегодня ночью кое-что произойдет. А точнее, оно уже происходит. Новый магический проход появится с минуты на минуту. И вы увидите это собственными глазами, если мы с вами на время прервемся и выйдем в окно, в ваш замечательный сад.

Лис снова поднялся на четыре лапы и пошел по столу к распахнутому окну. Леон послушно встал со стула и тоже шагнул к подоконнику. Внизу было темно – хоть глаз выколи. Цикады, которые обычно разрывали тишину непрерывным стрекотанием, сейчас молчали, садовые лягушки не квакали, не качалась листва от присаживающихся на нее майских жуков и шмелей. Было непривычно тихо.

- Я ничего не вижу, пан Лис, куда нужно смотреть? – взволнованно прошептал Леон, но вдруг заметил внизу, на лужайке у самого жасминового куста слабое мерцание. Потом оттуда донесся звук, похожий на хлопок, словно кто-то откупорил винную бутылку. Мерцание стало ярче, и Леон уже мог рассмотреть, что прямо из садового гнома, из его отлетевшего в сторону колпачка, который мама аккуратно приклеила на место еще год назад, проклюнулось какое-то растение. Оно увеличивалось в размерах со скоростью пивной пены, стремящейся выплеснуться через край кружки. Спустя минуту удивительное растение из тонкого зеленого стебля превратилось в деревце, а через еще две минуты – в уже достаточно высокое дерево, чья крона почти достигла уровня подоконника Леоновой комнаты.

- Мама дорогая, вот это чудеса! – Леон восторженно наблюдал за всем, что происходило на его глазах в саду. И тут его осенила догадка, – неужели это дерево выросло из той самой сливовой косточки, которую моя сестра Майя в прошлом году выбросила в окно?

- О да, мой друг, это именно она, та самая, которую вы сорвали со Сливушки пани Шварц. Ведь наша Сливушка прошлым летом дала последний урожай, а потом засохла. А она, доложу я вам, и была порталом в мир Аниборген. Теперь ее дитя, новое сливовое дерево, так лихо посаженное в почву вашей досточтимой сестрой, станет новым магическим проходом. Вы увидите, пан Коршак, что уже к утру это тонкое деревце перевоплотится в большую и крепкую сливу!

- Я думаю, что у моей мамы будет шок, когда завтра утром она обнаружит в своем саду новое взрослое дерево, которое непонятно откуда взялось, - засмеялся Леон. Он действительно не представлял, как его семейство отреагирует на чудесное появление высокой сливы, которой еще вчера нигде не наблюдалось.

- Спокойствие, досточтимый пан. Вы забыли, что это дерево магическое. И все в нашем мире устроено таким образом, что появления нового деревца обычно никто не замечает. Уверяю вас, утром и ваши родители, и ваши сестры тоже не заметят ничего особенного на садовой лужайке, потому что будут считать, что это дерево растет здесь уже давно, - и Лис благодушно улыбнулся.

Леон немного испугался этой улыбки. Шутка ли – улыбающийся Лис. Рассказать кому – скажут, что свихнулся. Ах, да! Чуть не забыл! И Леон снова пошел в вопросительную атаку:

- Послушайте, пан Муркус, а могу ли я все это рассказать

еще кому-нибудь? Ну, например, своим сестрам? И вообще, что мне теперь делать с этими знаниями и способностями?

- Можете, пан Коршак. Это же ваши самые близкие люди. У меня нет ни единого повода не доверять им. И в конце концов, они тоже будут нам с вами весьма полезны. Но, прошу вас, пока больше никому. Именно сейчас моя тайна не должна быть рассекречена, еще не время. Хотя расскажи вы завтра обо мне хоть всему Щучино, вряд ли кто-то из обычных людей поверит в говорящего лиса. И все-таки лучше не рисковать. Обо мне знала лишь пани Шварц, да еще пара-тройка посвященных

Ах, пани Шварц, пани Шварц Она ведь тоже была проводником и моим добрым другом. Не скрою, я был очень привязан к ней. Тем более нас объединяло одно крайне важное дело, которое я поклялся довести до конца! И искренне надеюсь, что вы поможете мне в этом, мой юный коллега. Но подробности я поведаю вам позже

- Я с радостью! Я с большущим удовольствием! – задыхаясь от волнения, проговорил Леон. – И даже мои сестры, уверен, захотят присоединиться ко мне, как только я расскажу им, какие чудеса творятся в нашем переулке!

- Я тоже безмерно рад, пан Коршак, - снова улыбнулся Лис и поднялся со стола. – Но время позднее, прошлый вечер был для вас очень насыщенным: праздник, гости, а потом я со своей историей. Думаю, вам нужно лечь и хорошенько выспаться, ложитесь в постель, мой друг. Придет время, и

мы снова увидимся, а пока отдыхайте, - и он махнул лапой в сторону кровати.

Леон послушно забрался в постель, но по-прежнему не сводил глаз с чудесного гостя.

- Я хочу попросить вас, пан Муркус, называйте меня, пожалуйста, по имени – Леон. Такая ль я важная особа, чтобы в двенадцать лет зваться паном Коршаком? Я привык, что пан Коршак в нашей семье – это мой папа. А я просто мальчик, - сказал Леон.

Лис едва заметно дернул усами. Леон положил голову на подушку, но глаза его ни в какую не хотели закрываться. Лис заметил это и, чтобы помочь уснуть мальчишке, на которого разом свалилось столько впечатлений, несколько раз махнул пушистым хвостом. Поток воздуха, наполнившийся зелеными искорками, коснулся Леонова лица, его веки потяжелели и сомкнулись. Спустя полминуты мальчик спокойно засопел.

- Так ты утверждаешь, что на свете существуют говорящие звери? И что сливовое дерево за нашим домом выросло всего за одну ночь? – насупившись, вопрошала Марта. Она была одной из тех современных детей, кто с малолетства не верил ни в Деда Мороза, ни в Зубную Фею, а потому привыкла думать, что никаких чудес не бывает. Бывают только галлюцинации и безупречная компьютерная графика. Но и сомневаться в адекватности брата ей не хотелось.

– Докажи! – выпалила маленькая бунтарка и уселась на садовую скамейку, сложив руки на груди, словно ждала немедленного раскрытия фокуса.

- Да, Лео, уж как-то все чересчур сказочно звучит, - подержала сестру Майя. Она хоть и слыла натурой романтической, склонной к фантазиям, но была наравне с Мартой обескуражена рассказом брата.

Леон и сам не знал, как ему доказать сестрам, что он не лжет, и что волшебный Лис действительно существует.

- Вот, посмотрите, мамин гном треснул и развалился пополам, - мальчик указал рукой под дерево, где валялись две керамические скорлупки некогда целой фигурки. – Разве мама оставила бы испорченного гнома валяться под деревом?

Сестры пожали плечами.

- Майка, ну вспомни, год назад в день, когда умерла пани Шварц, ты нашла в моей комнате сливовую косточку и швырнула ее в окно. А я еще накричал на тебя. Ну? Ты помнишь? – не унимался Леон.

Майя на мгновение задумалась, а потом закивала:

- Точно, было такое! Уж не хочешь ли ты сказать, что из той косточки выросло это дерево?

- Да, конечно, из той! Но оно выросло не сегодняшней ночью! Оно целый год росло, росло и стало большим! – настаивала Марта, нервно подергивая ногой и ерзая на скамейке.

Леон понял: нужно найти что-то поубедительнее слов. И тут он вспомнил, что вчера перед сном просматривал фото-

графии с вечеринки. И кое-где отчетливо был виден все еще целый садовый гном с треснутым, но приклеенным на место кончиком колпачка. Мальчик достал телефон и протянул его сестрам:

- Смотрите сами, дурочки с переулочка, вот вам и факты!

Девочки принялись пролистывать вчерашние снимки и, конечно, увидели то, о чем уже битый час толковал им брат. Гном, действительно, стоял целый и невредимый, а сливой рядом с ним даже не пахло.

- И правда. Целехонький – протянула Марта и перестала нервно трясти ногой.

- Вау! – восторженно мякнула Майя.

Леон, победоносно хохотнув, забрал у них свой телефон и сунул в карман. Теперь он был готов рассказать сестрам все, что узнал от Муркуса Чернобурого, не опасаясь снова натолкнуться на недоверие девчонок.

Он взахлеб пересказывал слова черного лиса о существовании Аниборгена, который населяют чудные существа – полулюди, полужвери. И что правильно называть их – аниборы. И о магических проходах, разбросанных по всему миру, и о сливе, которая волшебным образом появилась за одну ночь в их саду и которая и есть таинственный портал в мир аниборов. И, конечно же, выложил сестрам всю информацию о собственной роли в этой истории.

- Лис утверждает, что я тоже проводник в Аниборген, и потому он ко мне и пришел, - подытожил Леон. – По правде,

я и сам пока в это не очень-то верю Но я думал, раз есть на свете говорящий лис, то почему бы не быть и миру полулюдей, а вместе с ним и проводников, которые могут туда попасть?

- Трудно в это поверить, конечно А где сейчас этот твой лис? – спросила Марта.

- Да, и когда мы с ним познакомимся? – подхватила Майя.

- Где? – усмехнулся Леон. – Да вон там, под самым вашим носом! – и он указал на дом пани Шварц.

Девочки остолбенели. До них дошло, в чем связь по-прежнему чистого дома их соседки с внезапно появившимся говорящим лисом. Горжетка художницы! Так вот кто хозяйничает в доме! Вот кто ухаживает за садом и метет дорожки! Все сходится.

- А когда мы сможем пойти туда и увидеть все собственными глазами, Лео? Меня распирает от любопытства! - начала свою песню Майя.

- Да, Леон! Сказал «а», говори «бэ». Я не могу спокойно сидеть и слушать такие потрясающие вещи, не взглянув на волшебного зверя, - вторила сестре Марта.

- Тихо, всему свое время! Он пообещал, что скоро сам ко мне наведается. А до тех пор мы будем просто ждать. Но предупреждаю, поначалу у вас может быть шок, и это нормально, я тоже не сразу врубился, что со мной разговаривает настоящая лисица. – И Леон смешно скосил глаза, а потом театрально съехал по спинке скамейки, точно в обмороке.

Девочки засмеялись. Им не терпелось поскорее увидеть загадочного соседа и докопаться до сути его появления в их доме. Чудесные события, словно праздничный леденец, яркой и витиеватой ленточкой разворачивались у них перед носом и сулили, пожалуй, самые необыкновенные в их жизни каникулы.

Глава 5. В гостях

Несколько следующих дней дети, ошеломленные произошедшим, находились в явном возбуждении: они часто шептались, прячась где-нибудь в саду или в детских комнатах или, наоборот, начинали жарко спорить о чем-то непонятном, махали руками, за столом переглядывались, то и дело, подмигивая друг дружке, словно готовили заговор.

Поначалу ни пани Анна, ни ее супруг не придавали их поведению большого значения, полагая, что это реакция на внезапно обрушившуюся на детей массу свободного времени. Потом стали замечать странную инициативу каждого из них то в магазин сбегать, то встретить почтальона у самой калитки, а то и вовсе пойти и прибраться на чердаке. Последнее желание приводило пани Анну в полнейшее недоумение: какой, простите, чердак, когда ребятня и в своих-то детских спальнях не всегда наводит порядок вовремя?

А все было просто. Лис, о котором Леон поведал сестрам, все не объявлялся. И дети старались использовать любую возможность приблизиться к дому пани Шварц, заглянуть мимоходом за забор, всмотреться в темные окна, забравшись на чердак собственного коттеджа. А Леон однажды прямо из своей комнаты вскарабкался на сливу, пытаясь обнаружить в ее кроне хоть какой-то намек на тайный проход в мир полулюдей. Но все эти попытки подобраться к тайне были тщет-

ными. Время шло, а лиса все не было.

Сестры стали нервничать, периодически обвиняя Леона в чрезмерном фантазерстве, а на себя злились за наивную доверчивость. Да что там девочки, и сам Леон уже начал любить себя на мысли: а не приснились ли ему все эти чудеса?

- Ох, пан Муркус, - думал про себя мальчик, сидя на траве перед заметно разросшейся сливой, - появились бы вы скорее, а то быть мне, чую, первым вруном квартала. Сестры точно задразнят

Потом он поднялся и пошел в папину мастерскую, где треть пространства до сих пор была завалена праздничной утварью: каркасами вигвамов, стрелами, узорчатыми половиками. Но большую часть комнаты занимал алтарь для подношений. Леон смотрел на все эти вещи, вновь и вновь прокручивая в голове хронологию дня рождения. Он сел на диван и закрыл глаза

Вдруг из сада послышались крики, потом неистовый собачий лай. Леон подскочил и выбежал из мастерской. По дорожке несся Пикуш, увлекаемая за собой Марту, которая крепко вцепилась в поводок и, чуть не падая, бежала следом. В кустах у сливы Леон заметил какое-то движение, словно кто-то спрятался там от собаки, потом это существо вскочило на дерево и стало карабкаться вверх.

- Ко-о-от! Лео-о-о! Там кот! – вопила Марта, пытаясь перекричать собачий лай.

Пикуш подбежал к сливе, встал на задние лапы, передни-

ми уперся в ствол и, задрав морду кверху, обливаясь противными вязкими слюнями, отчаянно лаял на того, кто был ему уже недоступен.

Леон тоже поднял голову и увидел на ветке, в густой листве, знакомые оранжевые глаза. Конечно, это был лис. Леон метнулся к Пикушу и схватил его за ошейник, помогая сестре удержать мохнатое чудище.

- Марта, тяни его в мастерскую, давай же! – крикнул он девочке.

Марта без лишних вопросов подчинилась брату, кое-как они затащили пса в мастерскую и захлопнули дверь, задвинув внешнюю щеколду.

- Он взбесился? – вытирая пот со лба, спросила Марта. – Сто лет котов не гонял, а тут на тебе - вспомнил детство.

- В том-то и дело, систер, что это никакой не кот, - ответил ей Леон. - Иди зови Майку. Похоже, сейчас вы познакомитесь с тем, о ком я вам рассказывал.

Широко раскрытыми глазами девочка посмотрела на брата, перевела взгляд на сливу, и, сорвавшись с места в сторону крыльца, заорала: «Ма-а-а-а Майка-а-а-а!»

Когда кроме Леона в саду никого не осталось, Муркус Чернобурый наконец-то заговорил:

- Приветствую вас, юный пан Коршак! Извините за долгое отсутствие. Я всего лишь ждал момента, чтобы ваших достойных родителей не было дома. Не хочется, знаете ли, шокировать столько народу своим эм... существованием

- Здравствуйте, пан Муркус, а я уже сомневался, не была ли наша с вами встреча сном, - улыбнулся Леон. Лис тоже заулыбался ему в ответ.

- Лопни мои глаза, вот это да! Говорящая лиса! – раздался удивленный детский голос.

Муркус оглянулся. На дорожке стояли две совершенно одинаковые девчушки, не сводящие глаз со зверя, который все еще продолжал улыбаться. Одна из них заметно дрожала, но вторая крепко держала ее за руку, полная решимости подойти поближе.

— Вот, пан Муркус, познакомьтесь с моими сестрами! – сказал Леон.

- Добрый день, досточтимые пани! – обратился к ним лис.

- З-з-д-дравствуйте, - пробормотала та, что все еще колотилась. Страх страхом, но о хороших манерах она не забывала никогда.

- Доброго денечка! – бодро крикнула вторая. – Значит, это все правда?!

- Абсолютнейшая правда! Я существую. Позвольте представиться: Муркус Чернобурый. К вашим услугам!

Наконец, девочки подошли к брату и его волшебному знакомому совсем близко. Это был самый настоящий лис в пушистой черной шубке, которая на солнце слегка отливала серебром, а хвост сам собой сворачивался в колечко, прикрывая аккуратные острые коготки передних лап. И издали какому-нибудь прохожему лис мог показаться реалистич-

ной садовой скульптурой.

Через пять минут беседы сестренки Коршак совсем осмелели в присутствии невиданного гостя, и Марта даже спросила у пана Муркуса разрешения погладить его по переливающейся на солнце шерсти и потрогать роскошный хвост. Лис не возражал, ему было очень приятно такое внимание, ведь уже целый год он жил в доме напротив один-одинешенек, и никто не гладил его по шерстке и не чесал шею. Он ужасно соскучился по ласке.

- Я знаю, пан Коршак, что вы уже обследовали сливу. Вероятно, вы надеялись найти проход в Аниборген? Вы его не нашли, досточтимый пан... Но это не потому, что его там нет, а оттого, что мало быть избранным, нужно еще знать КАК открыть волшебные врата. Я забыл вам сказать, что для этого необходимо знать специальное заклинание. Оно известно всем действующим проводникам. Безусловно, я научу вас ему. Когда придет время...

- Когда придет время... Снова «когда придет время», - вздохнул Леон, - а когда же оно придет?

- Да! Когда? – чуть ли не хором воскликнули девочки.

Лис сощурил глаза и несколько раз ударил по земле кончиком хвоста. Детям показалось, что он немножко занервничал.

- Вы, как все дети, крайне нетерпеливы. Хотите съесть второе блюдо прежде первого. Сначала я расскажу вам о своей миссии, чтобы вы понимали, как устроено сообщение

между нашими двумя мирами. Однако, мы засиделись в саду. Должно быть, вам троим пора обедать? Хочу предложить скромную трапезу в моем доме, точнее в доме досточтимой пани Шварц, свет ее памяти. Как вы на это посмотрите, дорогие дети?

Побывать в гостях у лиса – это же целое приключение! Одно дело уплетать за обе щеки пирожки и котлетки, сидя за столом у какой-нибудь обычной тетушки, и совершенно другое – попробовать на зуб угощения волшебного зверя. Конечно, ребята согласились. Все четверо дождались, когда на улице не будет ни одного прохожего, и дружно пересекли свой переулок, скрывшись за калиткой дома 2 по Второму Шестому переулку.

В доме, где теперь хозяйничал Муркус Чернобурый, все блестело чистотой и благоухало свежестью, словно здесь каждый день кто-то до блеска полировал паркетный пол, тер столы и буфеты шерстяной тряпочкой и проходился пуховкой по хрустальным висюлькам люстр и торшеров. На коврах не было ни соринки, ни лишней ворсинки. Комнатные растения торчали из своих кадучек, величаво расправив в стороны зеленые листья и пышные соцветия.

Дети бывали в этом доме и раньше, при жизни своей соседки, но даже тогда эти комнаты не казались им такими идеальными. Теперь же все жилище больше походило на дом-музей.

И не только потому, что стены были сплошь увешаны кар-

тинами, и не из-за кристальной чистоты помещения. А просто все здесь рассказывало о старой хозяйке дома, ее укладе жизни, привычках, а, может быть, даже и тайнах.

Некоторые полотна достигали таких размеров, что едва умещались на стене. На одной из картин была изображена комната с камином и рождественской елкой, рядом с которой на деревянной лошадке восседал симпатичный рыженький мальчик в костюме гусара. В чертах этого ребенка Леон увидел что-то знакомое.

- Лео! – вдруг завизжала Марта. – Смотри, это же ты!

Действительно, на картине был именно он, младенец Леон Коршак лет двух от роду.

- Да это же сама пани Элоиза написала портрет. Вот ее подпись, – Леон провел пальцем по тусклому росчерку в углу картины и обернулся на лиса. – А почему я раньше никогда не видел здесь этой картины, пан Муркус?

- Потому что ее здесь не было. Это полотно я обнаружил на чердаке, в мастерской досточтимой пани Шварц уже после ее смерти. Оно было свернуто в рулон, завязано в тряпку и спрятано в шкафу. Когда я развернул рулон, картина поразила меня своим светом и теплом. Я почувствовал, как моей бедной хозяйке не доставало семьи, тепла родных душ, уюта и детского смеха в стенах этого дома. Она написала ваш портрет, но по каким-то причинам оставила его у себя, не смея вывесить на всеобщее обозрение в гостиной... Наверное, боялась своих чувств... Теперь мы уже не узнаем всей

правды. Но я решил, что будет справедливым дать этому чудесному произведению достойную жизнь. Натянул на подрамник, вставил в красивую раму, и теперь оно будет висеть здесь. Если...

- Если?

- Если вы, мои юные друзья, не будете против...

- Нет, что вы! – возразили дети буквально хором.- Наоборот! Почтем за честь.

Посреди столовой стоял огромный круглый стол, покрытый льняной скатертью. Муркус Чернобурый предложил детям занять свои места на красивых стульях в полосатой обивке. Один из стульев несколько отличался от остальных высотой спинки, из чего можно было предположить, что принадлежал хозяйке. Дети расселись по местам, оставив хозяйское кресло для Муркуса. А тот, убедившись, что гости удобно устроены, отлучился на кухню.

- До чего же здесь все торжественно и красиво! Мы как будто в маленьком дворце! - прошептала Майя.

- А я тогда - королева! Зовите меня теперь Ваше Величество!

Марта взяла со стола нож и вилку так, будто это символы монаршей власти, и величаво развела руки в стороны.

- Ваше Величество Ваза с Цветами! - засмеялся Леон.

Он сидел напротив Марты, и сестра не была ему видна из-за большой пузатой вазы с гортензией. Но теперь, когда Марта взяла столовые приборы, стало казаться, будто ее руки

принадлежат вазе.

Марта тут же завопила, что с ее места сам Леон выглядит, как Мистер Букет, и что лично она к этой фарфоровой чепухе не имеет никакого отношения. Леон открыл рот, чтобы завалить сестру очередной порцией колкостей, но тут распахнулись двери, и в гостиную вкатилась тележка с обедом, а следом за ней вошел и сам Муркус.

Лис взмахнул хвостом, орошая пространство зеленоватой блестящей пылью, после чего серебряная супница отделилась от тележки и, едва покачиваясь, зависла в воздухе. Стопка тарелок сделала то же самое, но в следующее мгновение расслоилась, и изящные фарфоровые кругляши разметались по столу. Вслед за тарелками на стол приземлились стаканы, а потом грузно, как большие черепахи, на скатерть наконец-то осели супница и еще несколько накрытых крышками блюд.

Девочки затаили дыхание. Леон, которому стоило бы уже и не удивляться никаким чудесам, выдохнул:

- Фантастика...

- Не фантастика, досточтимый пан Коршак, а обычная бытовая магия, - поправил его лис и ловко запрыгнул на свободный стул. - В Аниборгене я ею почти не пользуюсь, там у меня есть руки - все могу делать сам, но здесь другие правила

Видя, что дети замешкались в нелепом стеснении, Муркус повел лапой в сторону еды и сказал: «Ну, можно начинать!»

Сначала дети приговорили вкуснейший томатный суп с

улитками и еще какими-то морскими гадами. Супница едва успевала приподниматься над скатертью и раскланиваться перед тарелками гостей. Потом в ход пошли овощные рулетки с чесночным сыром и благоухающая прованскими травами рыба. Душистый лимонад с ягодами и мятой лился рекой. Леон и девочки причмокивали от восторга, особенно когда в зал влетел пирог с дворцом из свежих ягод на верхушке, залитый прозрачным желе. Но больше всего детей забавляло то, как ловко без помощи рук орудуют обычные нож и вилка над тарелкой Лиса, справно отправляя еду прямо ему в рот. А в конце обеда в воздух взвилась кружевная салфетка и аккуратно коснулась уголков губ волшебного зверя.

- Все ли понравилось достижимым гостям? – спросил Чернобурый.

- О да, спасибо, пан Муркус, все было... великолепно! – ответил Леон, которому явно было сложно дышать под тяжестью съеденного.

- А почему в этой комнате задернуты все шторы, пан лис? Сейчас же еще светло, - вдруг спросила Майя.

- Видите ли, я же стараюсь не обнаруживать свое присутствие здесь. Расхаживающий по особняку лис наверняка вызовет массу вопросов, что создаст для меня определенные... эм... проблемы. С улицы кто-нибудь может случайно увидеть происходящее внутри дома, верно?

- Точно. В городе уже давно болтают о призраке, живущем в доме номер два во Втором Шестой переулке... Простите,

пан Муркус, это я, не подумав, спросила. Просто... здесь так непривычно темно...

- А знаете, пани Майя, вы правы! Ведь окна столовой все выходят в сторону сада, а там никаких зевак быть не может, ведь за садом – грабовый лес! Пожалуй, можно открыть шторы и впустить в эту обитель теней немного света!

Марта тут же вскочила со стула и бросилась к окнам. Тяжелые зеленые шторы с вышитыми листьями папоротника медленно, словно веки после долгого сна, раскрывались одни за другими. Но внезапно за шторами с фантазийными птицами и цветами показалось не окно, а огромная картина.

Марта отступила назад и задрала голову, чтобы увидеть, что на картине. Оказалось, это тоже был портрет. С холста на лиса и детей смотрели трое. Статная женщина с бледным, но очень благородным лицом и руками, белыми и тонкими, какие бывают у балерин, стояла у стула, на котором сидела симпатичная девушка с косами, завернутыми бубликами, а на коленках у нее был младенец. Скорее всего – девочка, потому что в кружевном чепчике и с игрушечным котенком в руке. Любопытно было еще и то, что за спинами у всей троицы были нарисованы эти же самые зеленые с птицами шторы!

- Смотрите, какой портрет! Ого, на нем тоже стоит подпись пани Шварц, но, кажется, на портрете и есть сама пани Шварц! Только молодая! – воскликнула Марта.

- Да, девочка, это моя хозяйка. И работа ее кистей...

- А кто это с ней? Родня какая-то? – подал голос Леон.

- Самая что ни на есть родня! – ответил Муркус, - Это дочь и внучка пани Шварц!

- Ого, а мы и не знали, что у нее есть дочка и внучка! – удивилась Майя.

- Были. Были еще до вашего рождения, милые дети... Это очень грустная история, которую пани Шварц не любила рассказывать. И именно из-за нее она несколько замкнулась в последние тринадцать лет...

- Но нам даже папа и мама ничего не говорили! Они же должны про это что-нибудь знать?

- Не могу дать вам точный ответ, досточтимый Леон, но предполагаю, что они не хотели ранить вас. Ведь детское воображение такое буйное, а детские слезы – так дороги и порой так тяжелы для родителей. Они вас берегли...

- Ну, а вы-то нам расскажете? – вздернула брови Марта.

- Всенепременно, ведь от этого зависит, смогу ли я найти наследника пани Шварц.

И Муркус завел свой рассказ...

Глава 6. Лис рассказывает печальную историю

У пани Шварц была единственная дочь по имени Милена. Кто ее отец – никому не было известно. Пани Шварц хранила эту тайну свято и крепко. Наверное, даже сама Милена не знала истины. В любом случае фамилия у нее была тоже Шварц.

Пани Элоиза, как и всегда, работала преподавателем рисования, иногда разбавляя учебные будни частной портретной живописью для всех, кто ценил ее как мастера. Милена не имела таланта к рисованию, была обычной девушкой, которая так же, как ее сверстницы, любила танцы, хорошие книги, веселых людей и, по рассказам пани Элоизы, даже не была проводником и долго ничего не знала о мире аниборов.

Но однажды Милена стала свидетелем того, как пани Элоиза через нашу старую сливу провела в ЭТОТ мир анибора. Девушка была потрясена и восхищена увиденным! Пани Элоизе пришлось рассказать ей об Аниборгене все. Анибор, пришедший сюда, само собой стал выглядеть как обычный человек. Уж не помню, с какой миссией он заявился в Щучино, но знаю, что звался Гаспером Бялым...

Он был молодой и красивый. И Милена мгновенно влюбилась в него, что не ускользнуло от глаз ее прозорливой ма-

тери.

И тогда Гаспера поселили в доме другого Щучинского проводника – Грегора Вишни.

- Пан Вишня – тоже анибор? – вскрикнул ошарашенный Леон.

- Нет, он появился на свет в ЭТОМ мире, но так же, как вы, пан Коршак, был рожден с лунной меткой и даром проводить сквозь порталы.

Муркус заметил смятение на лицах детей, но предпочел продолжать свой рассказ – все по порядку.

Вишня был уже немолодым и крайне нелюдимым человеком. Впрочем, вам об этом известно, друзья мои! Он ничем не отличался от какого-нибудь ворчливого отшельника, которому мало кто интересен на этом свете.

Гаспер же, напротив, был красивым, плечистым парнем. Его яркий пытливый ум покорила дочь пани Шварц мгновенно. Гаспер обожал рассказывать веселые истории, развлекая ими Милену. Она в свою очередь показывала ему разнообразие ЭТОГО мира, водила на городские вечеринки, в театры, в кино... И случилось то, что было неизбежно – эти двое страстно влюбились друг в друга.

Грегор Вишня, который ранее никогда не был замечен в симпатии к кому бы то ни было, внезапно тоже заинтересовался Миленой. Хотя по возрасту он ей больше годился в дядюшки. Думаю, в нем разыгрались гордыня и зависть, низкое желание обойти молодого и статного анибора Гаспера. И все

быстро заметили, что Вишня тоже положил глаз на Милену. По крайней мере, узнав о ее выборе в пользу Гаспера, Вишня учинил ужасную ссору со своим товарищем. Кажется, они даже подрались...

Дело закончилось тем, что пани Элоиза выпроводила Гаспера в Аниборген, а Милене строго-настрого запретила отношения с аниборами. Не потому, что у нее было неприятие к нам, живущим в ТОМ мире, а скорее всего из-за каких-то своих, никому неизвестных причин.

Боги мои, как же страдала бедная девочка! Ведь отсюда в Аниборген нельзя ни позвонить, ни написать. К тому же Гаспер не был проводником в отличие от Грегора. И попасть в Аниборген малышка не могла никаким способом.

Кроме одного единственного.

Грегор Вишня, устранив соперника, стал настырно ухаживать за Миленой. Этому невзрачному и хмурому типу показалось, что Миленка очарована им, но девочка преследовала совершенно иные цели.

Она хотела с помощью Вишни пройти в Аниборген и встретиться там с Гаспером Бялым. Вишня сам был основательно одурманен ею и не понимал ее истинных мотивов. Но похоже, Миленка даже не прилагала к этому особых усилий. Сам факт ее внимания подлил масла в огонь влюбленности Вишни. Он преувеличил значимость этого внимания раз в сто. Но все, кто видел их вместе, удивлялись – что общего может быть у этих двоих?

В какой-то момент слухи о странной дружбе Милены и Вишни дошли и до пани Элоизы. Однажды, вернувшись домой после работы, она не нашла дочери, а только письмо от нее, в котором было сказано примерно следующее: «Милая моя мама, я не могу поступить иначе, мое сердце разрывается от тоски по нему. И если я сегодня же не попаду в Аниборген, то, скорее всего, умру от горя и одиночества. Я надеюсь, ты поймешь меня. Обещаю, что вернусь. Твоя Милена».

Стало очевидно, что Вишня и Милена пересекли границу миров. Конечно, пани Элоиза хорошо знала свою дочь и понимала, что речь в письме идет вовсе не об этом пренеприятнейшем Вишне. Она, конечно же, могла тут же пуститься в погоню за Миленой, открыв проход в Аниборген, но не сделала этого. Думаю, потому, что наверняка понимала чувства, которые испытывала ее непокорная дочь к своему возлюбленному. И как мать она хотела для своей девочки счастья.

Оказавшись в Аниборгене, Милена приняла облик анибора - стала выглядеть как черная зубриха. Вишня же имел облик волка и, увидев Милену в новом обличье, был сильно раздосадован. Он думал, что человек, который впервые попадает в Аниборген из ЭТОГО мира, принимает вид, схожий с проводником, который первым привел его. До случая с Миленой это всегда работало именно так!

Но любовь Милены к Гасперу Бялому изменила правила. В итоге Милена и ее возлюбленный все-таки встретились. О, надо было видеть, в каком бешенстве был Вишня! Он понял,

что Милена всего лишь воспользовалась им, чтобы воссоединиться с его бывшим приятелем. Вишня стал добиваться у канцлера Аниборгена немедленной депортации Милены с пожизненным запретом посещать мир полулюдей.

Но случилось непредвиденное. Пока Верховная канцелярия рассматривала жалобу взбешенного Вишни, Гаспер и Милена успели пожениться! Один священник по имени Бенгалиус провел ритуал воссоединения буквально под покровом ночи в старой часовне на краю Манзуры – деревеньки, где родился Гаспер. Он знал Бялого еще мальчишкой и до того проникся его любовной историей, что вопреки правилам (в Аниборгене женятся только после определенной бумажной волокиты) обвенчал влюбленных.

Надежды Вишни на праведную с его точки зрения месть рухнули. Он вынужден был смириться с тем, что любимая стала законной супругой Гаспера Бялого и полноправной жительницей Аниборгена.

Тут в жизни Милены и Гаспера появился я – их верный проводник между мирами. Я не раз водил их обоих в ЭТОТ мир, когда они решали навестить досточтимую пани Элоизу. Всем знакомым пани Шварц сообщила, что Милена вышла замуж и уехала из Щучино. Потому появления Милены воспринимались соседями, как очередной приезд в гости к матери из какого-то дальнего городка.

Вы хотите знать, как пани Элоиза приняла Гаспера? На удивление спокойно. Видя, что в жизни дочери все ясно и

гладко, она смирилась с ее выбором.

А спустя время Милена сообщила ей о том, что носит под сердцем дитя. О, эта новость превратила досточтимую пани Шварц в порхающего мотылька. Как же она была счастлива, что скоро станет бабушкой! Пани Элоиза решила обновить одну из комнат для будущего внука: расписала стены прекрасными цветами, а потолок – звездами. Заранее были куплены игрушки и книжки, пеленки и распашонки, но главным чудом была колыбелька. Пани Шварц заказала ее у одного искусного плотника, который превратил детское ложе в красивый кораблик, паруса которого служили балдахином и опускались над постелькой при помощи маленького штурвала, приделанного снаружи у изголовья.

Да, новая семья Милены должна была жить в Аниборгене, но новоявленной бабушке хотелось, чтобы и у нее в гостях внук чувствовал себя как дома. Когда пришла пора малышу появиться на свет, пани Элоиза перешла в Аниборген, приняла облик черной козы и даже поприсутствовала на родах любимой дочери.

Так и родилась Констанция! Маленькая белокурая зубриха с огромными ресницами и голубыми глазами!

Красивее ребенка я, признаться, не видел! Хотя, допускаю, что как друг семьи я мгновенно был очарован малышкой, и оттого она казалась мне самой прекрасной на свете...

Пани Шварц вернулась в ЭТОТ мир и продолжила жить своей привычной жизнью, а Милена, Гаспер и маленькая

Констанция стали навещать счастливую бабушку все чаще.

Вишня следил за ними повсюду, он как тень сопровождал их из мира в мир, выдумывал любой повод, чтобы только пройти в Аниборген и не упустить из вида Милену.

Но надо отметить, что держался он всегда в стороне, и если не знать его мстительную натуру, то можно было бы подумать, что он успокоился и принял все, как есть. Но я никогда не верил ему. И много раз предупреждал Милену и Гаспера, чтобы не подпускали его к себе слишком близко... Но Милену – добрая душа. Ей было жаль бедного одинокого Вишню. К тому же она испытывала изнуряющее чувство вины перед Грегором за тот обман, который она допустила, чтобы попасть с его помощью в Аниборген...

Мал помалу Вишня снова сблизился с Бялым. Однажды Милену попросила меня провести ее в ЭТОТ мир без Гаспера. Она сказала, что пани Шварц нездоровится по словам Вишни, который прибыл из Щучино несколько дней назад. А мужу, как назло, позарез нужно остаться в Аниборгене, да и Вишне тоже. Я не заподозрил ничего дурного и провел Милену с малышкой Констанцией в ЭТОТ мир.

В Аниборгене меня в то время ничто не удерживало, и я решил пожить в доме у пани Шварц вместе с Миленой и крошкой-внучкой. Именно в те дни пани Элоиза написала их совместный портрет, который вы, досточтимая пани Марта, обнаружили за шторой. В домашнем архиве было много фотографий и Милены, и ее дочери, но этот портрет – самая

большая и значимая вещь, связанная с ними. Бесценная, надо признать.

Констанции тогда было около года, она уже четко произносила некоторые слова, но больше всего ей нравилось слово «ани», что конечно же обозначало – анибор!

А еще она обожала долго разглядывать себя в зеркале, ведь по ту сторону сливушки малышка видела свое отражение совершенно иным.

Все наше существование под крышей этого дома было квинтэссенцией счастья. Я, анибор, который еще не успел обзавестись собственной семьей, буквально сроднился с пани Элоизой и ее близкими. И никто из нас даже подумать не мог, какая беда уже притаилась за дверью и дышит в скважину колючим ледяным дыханием, ожидая своего часа.

Однажды в дом заявился Вишня. Он был странный, в потрепанной одежде и с сильным запахом вина... С порога он заявил, что с Гаспером случилось страшное – ушел в горы, ущелье накрыло снежной бурей, и он пропал под завалами.

Милена тут же бросилась к проходу, умоляя нас троих открыть ей путь, чтобы начать поиски мужа... Заверения Вишни в том, что уже поздно, что поисковая группа сделала все возможное, не помогали. Пани Шварц наотрез отказалась открывать портал, чтобы пропустить Милену в таком состоянии в Аниборген. Я встал на ее сторону, и только Вишня колебался. Время было позднее, мы убедили бедняжку успокоиться и подождать до утра, а потом на свежую голову при-

нять решение. Плачущая Милена не могла найти себе места, и только моя пыльца успокоения помогла ей унять дрожь и задремать.

Маленькая Констанция, будто понимая все, что происходит вокруг, тоже раскапризничалась. Пани Элоиза вынуждена была ночевать в детской с малышкой, а я лег в гостиной - напротив комнаты Милены. Сам не знаю, как я не услышал ничего подозрительного, но вышло так, что утром, когда все проснулись, ни Милены, ни Вишни уже не было, ночью они ушли в Аниборген.

Я дал обещание пани Шварц, что найду Милену и разберусь во всем, что произошло с ее мужем, чего бы мне это ни стоило, и метнулся в портал.

В Аниборгене я долго искал Милену или известия о ней, но никто ничего толком не знал. Она как в воду канула... А Вишня теперь был главным свидетелем по делу странного происшествия в горах с Гаспером Бялым. Укрыться он не успел, был застукан Службой Особого Надзора в одном из кабаков Нижнего Приовражья, где обычно собирается не самая приличная публика.

Когда ищейки поднажали на Вишню, он рассказал, что хотел поговорить с Бялым в приватной обстановке и для этого позвал его в горы, на глухую тропу, где в отшельнической избушке планировал выяснить отношения. И о снежной буре, которую прогнозировали в этот день, он якобы ничего не знал.

Вишня убеждал Надзор, что по невероятной случайности опоздал на им же назначенную встречу, и момент схода лавины увидел уже с тропы. Вишне самому едва удалось укрыться от бури в расщелине над обрывом, что и спасло ему жизнь. А избушка была погребена под снегом. В состоянии шока Вишня пошел в ближайшую деревню за помощью, даже не попытавшись помочь Бялому выбраться из-под сугробов. Когда подоспели спасатели и уступ с избушкой был расчищен, кроме развалин и рюкзака Бялого под снегом ничего не нашли. Поисковая группа пришла к выводу, что Гаспера вместе с домиком лавиной смело прямо в ущелье.

Получалось, что Вишня напрямую ни в чем не виноват, а корить его за трусость и нежелание броситься на помощь сразу же – это не более чем морализаторство... Тем не менее от Вишни многие отвернулись. Он и прежде-то не был всеобщим любимцем, а с того момента стал и вовсе изгоем. А тут еще и история с Миленой, которую он провел, но не удержал и спокойно отпустил одну в ущелье.

Мы все долго искали Милену и в горах, и в окрестных поселках. Не было никого в Аниборгене, кто бы не знал о пропаже отчаянной девушки, которая сгинула, не найдя в себе силы поверить в смерть любимого мужа.

Только представьте, какая мучительная и страшная миссия выпала мне после этого! Я должен был объявить пани Шварц о том, что произошло с ее единственной дочерью.

О, позвольте мне умолчать о том, как это происходило,

потому что боль воспоминаний до сих пор терзает мое сердце.

Пани Шварц неоднократно посещала Аниборген с требованием искать, искать, искать ее дочь... Она делала все возможное, чтобы поиски продолжались много месяцев, но результата они, увы, не приносили.

И тогда я окончательно перебрался из Аниборгена в Щучино и поселился в доме пани Шварц. Чтобы не привлекать к себе внимания, особым способом я закрепил за собой облик черного лиса и жил исключительно в доме. Ну, а на улице вы меня могли видеть в качестве...

Да-да! Меховой горжетки!

Грегора Вишню тоже выслали из Аниборгена. Пани Шварц добилась, чтобы этого трусливого типа исключили из проводников, наложив на него вечный запрет на посещение Аниборгена. С того времени Вишня – житель исключительно ЭТОГО мира.

Я знаю, старик жутко меня ненавидит и ждет момента, чтобы где-нибудь в грабовом лесу под видом охоты подстрелить.

Но я не так прост. Много лет не даюсь ему в руки, что несомненно было совсем непросто.

Но я не поведал вам еще самого главного! Бедной пани Шварц так и не посчастливилось обрести истинную радость... Ее надежду, ее единственный светлый луч похитили. Малышка Констанция пропала прямо из своей кровати од-

нажды ночью... И это похищение было самым невероятным преступлением за всю историю Щучино!

Глава 7. Расследование начинается

— Вот это да! Ну и ну! Кому понадобилось красть ребенка? – возмущалась Марта, пока Муркус Чернобурый рассказывал детали странного дела.

- А говорят, что детей иногда воруют цыгане, а потом подучивают их попрошайничать, - робко предположила Майя.

- Да ну, какие еще цыгане? Спорим, ты даже не видела их ни разу в жизни! – возражал Леон.

- А ты как будто видел?! – нахмурилась Майя.

- И я не видел. Потому что в нашем городе их нет!

Девочка притихла. Брат был прав – в Щучино цыган не было. И даже заезжих, иначе маленький городишко мигом узнал бы об этом.

Муркус молчал, дав детям возможность высказать все свои версии. Марта вспомнила инопланетян, потом голодного лесного йети, за ним - внезапно открывшуюся черную дыру, но все ее предположения отметались рассудительным братом.

И вот наконец, когда фантазии детворы иссякли, лис заговорил.

- Полиция рассматривала миллион и один вариант мотивов преступления, опрашивала всех, кто мог что-то слышать, видеть или заметить нечто подозрительное, но увы. Все тщетно. Констанции и след простыл... Бедная пани

Шварц едва не ополоумела от горя. Я боялся оставить ее хотя бы на минуту. Прикинувшись меховым воротником, я сопровождал ее везде и всюду, незаметно обдавая пылью успокоения. Это помогало мне много лет поддерживать досточтимую хозяйку в здравом рассудке.

Леон понял, о какой пыли уже дважды упомянул Муркус. Вероятно, это та самая светящаяся в темноте зеленая россыпь, с помощью которой лис помог Леону уснуть в ночь их знакомства.

- Ой, как же мне жалко бедненькую пани Шварц! А эта Констанция сейчас, могла бы быть нашей соседкой. И мы бы дружили, - запричитала Майка.

- Да, девочка родилась всего на пару лет раньше вас троих, - вздохнул лис. – Вы правы, не пропади малышка тогда, сегодня этот дом не был бы таким пустым и унылым...

- Но ведь она не погибла? Она же точно где-нибудь есть? Живет себе и не знает, кто она на самом деле...

- Я очень надеюсь на это, дорогой пан Леон! После смерти моей хозяйки я наткнулся в ее бумагах на одну странную записку. Сейчас покажу...

Муркус отбросил вышитую салфетку с комода и достал из-под нее смятый листок бумаги. Обыкновенный тетрадный лист в клетку, а на нем написанные карандашом и изрядно стертые буквы, которые сложились в послание:

«Одна большая глупость лишила тебя всего. А могло быть все иначе».

- Тут нет подписи, пан Муркус. Кто это написал? – Леон протянул письмо лису.

- Возможно, тот, кто причастен к бедам пани Шварц. Письмо было получено ею незадолго до смерти, потому что раньше при уборке дома я ни разу не натыкался на него. А у пани Элоизы не было от меня никаких секретов...

- Подождите-ка... А что, если это Вишня подбросил? – воскликнула Майя.

- Верно! – Леону догадка сестры показалась очень логичной. - Старикан же знал Милену и ненавидел Гаспера. Вдруг это он написал, чтобы расстроить пани Шварц еще больше?

- Я уже думал об этом. Но не могу же я, лесной зверь, заявиться в полицию с этой бумажкой, заговорить с паном полицейским и выдать свою тайну?

- Да уж, представляю лицо пана полицейского! – засмеялась Марта. – Но мы-то можем к нему заглянуть!

- И будете немедленно отправлены домой, как фантазеры, грезящие славой частных детективов. Еще и от родителей влетит...

Леон задумался. А ведь правда – как троица ребятишек объяснит полиции, откуда у них вся эта безумная информация? Кто поверит в сказки про аниборов, да и Вишня ли это вообще сотворил? Их просто поднимут на смех, а папе с мамой будет за них стыдно... Нет, нужно как-то иначе.

Муркус, очевидно, заметил сомнения мальчика, но понял, что отступать тот не намерен.

Однако время близилось к вечеру и детям пора было возвращаться домой. Над столом снова взвился вихрь волшебной пыли, и посуда сама собой сложилась в высокую башню, которая, раскачиваясь, уплыла куда-то на кухню. За ней блестящим змеем уползли по воздуху и столовые приборы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.